

16+

М. ЛЮТЫЙ
ВЯТИЧИ

М. ЛЮТЫЙ

ВЯТИЧИ

«Автор»

2021

М. Лютый

Вятичи / М. Лютый — «Автор», 2021

Трудно в восьмом веке славянскому племени в окружении многочисленных врагов. Погибнуть или покориться, потеряв свою идентичность, – это не для славян. Выжить можно, только переселившись на малонаселённые земли. Преодолев множество битв на долгом пути, славянское племя обретает новую родину.

© М. Лютый, 2021

© Автор, 2021

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

46

М. ЛЮТЫЙ

ВЯТИЧИ

Предисловие

Конец VIII века. Непрекращающиеся войны терзают Европу. Появляются и усиливаются новые государства, теряют былое величие старые.

На востоке Европы перехватил торговые пути из Азии и от арабов Хазарский каганат. Взимая десятину с торговых караванов, государство хазар богатело и усиливалось. Основной торговый путь проходил в то время по реке Волге, или как её называли раньше Итиль, далее к ильменским и прибалтийским славянам. Арабское серебро оседало здесь и даже доходило до франков. Хазары расширили свои владения, подчинив себе славянские племена полян и северян и наложив на них дань.

Византийская империя устала от нескончаемых войн с арабами и болгарами, а также от многочисленных набегов славянских племён, но была ещё в силах нанести поражение нападающим на неё. Начало правления императора Константина VI, которому исполнилось только 9 лет, и сосредоточение всей власти в руках его матери Ирины, а также внутривластные неурядицы, связанные с шатанием из стороны в сторону по вопросу иконопочитания¹, не способствует спокойствию в государстве. Следствием этого является и разгон войсками по приказу Ирины шестого Вселенского собора, и заговор против императора в 780 году, и неудачное восстание в Сицилии Емидия, и седьмой Вселенский собор, который поддержал иконопочитателей, и неоднократные интриги Ирины против сына, одна из которых в 797 году завершается его ослеплением.

На западе Европы усиливается государство франков, сумевших остановить экспансию арабов в Европе. Франкский король Карл сумел подчинить своей воле различные племена, покоряя их силой своих войск или союзников, например славян-ободритов или, как они называли себя сами, бодричей. Мощная внешняя экспансия франков в результате нескольких войн привела к полному разгрому ими аварского каганата, некогда державшего в страхе пол-Европы. Тонны золота вывезли франки из аварских земель. И это не удивительно: только ежегодная дань Византии аварам в начале века составляла 120000 солидов. Исходя из того, что солид весил чуть более 4,5 г – это было более полтонны золота в год. После этого поражения об аварах не упоминается ни в одном из источников. Не зря на Руси говорили, что "Погибоша, аки обрe".

Известно, что в своих захватнических войнах Карл потерпел всего два поражения: одно – от чехов под Прагой, и второе – от легендарных руян, которые жили на острове Рюген и на побережье Балтийского моря рядом с островом.

В то же время вся кажущаяся мощь государства франков скрывала непримиримые внутренние противоречия. Карл раздавал во владение земли своим сыновьям, военачальникам, а то и просто бывшим врагам, признававшим себя вассалами короля. Государство, скомпонованное из относительно обособленных земель, где каждый признавал власть только своего сюзерена, не могло жить в мире. То и дело возникала грызня между их обладателями за увеличение своих территорий. В конечном итоге это привело к распаду государства франков, но это произошло уже в IX веке.

¹ В 726 г. Лев III обнародовал первый эдикт против икон, в котором, как кажется, он предписывал не столько их разрушать, сколько вешать более высоко – так, чтобы удалить их от поклонников толпы. Это мера вызвала крайнее возбуждение: в Константинополе произошли ярые столкновения, а Греции вспыхнуло восстание, впрочем быстро подавленное (727); Италия поднялась вся целиком (727); папа Григорий II ограничился резким протестом против ереси иконоборцев, но его преемник Григорий III вскоре начал проводить более смелую политику, не довольствуясь преданием иконоборцев анафеме. Церковные историки полагают, что борьба Льва Исаврянина против чрезмерного почитания икон являлась только частью его обширных замыслов по реорганизации всей государственно-церковной системы Византийской империи. Целью этой борьбы было ограничение прав и влияния высшего духовенства, занимавшего ведущие государственные должности.

В этой череде бурных событий конца VIII века живут герои этой книги.

Глава 1

Солнце, поднимаясь над лесом, разгоняло последние остатки тумана. Осторожно, прислушиваясь и пригнувшись, на полянку, покрытую белым цветом цветущей земляники, из кустов вышел лось. Подойдя к молодой осинке и не обращая внимания на комаров, от которых стоял сплошной гул, вытянул шею и начал срывать зеленые листья. Вдруг, мотнув головой и что-то услышав или учуяв, высоко поднимая ноги и сбивая копытами с густой травы росу, скрылся в чаще.

На тропинке, пересекая полянку, показались две девочки. Обе, одетые в грубые льняные сарафаны, они неторопливо шли, переступая босыми ногами через лежащие ветки и сбивая с травы росу. Одной из них было лет четырнадцать. Её русые волосы, сплетённые в тугую косу, лежали на уже начавшей формироваться груди, а вздёрнутый носик придавал лицу милое выражение. В одной руке она несла узелок, а другой лениво отмахивалась веткой от надоедливых комаров. Другая – лет десяти, то и дело останавливалась, по пути срывая цветы и складывая их в небольшой букетик, а затем догоняла старшую.

Едва девчонки пересекли полянку и скрылись в кустах, из высокой травы высунулась голова мужчины в меховой шапке, из-под которой торчали несколько засаленных косичек. Но затем какая-то рука грубо пригнула эту голову опять вниз, в густую траву, и опять на полянке стало безжизненно тихо, если не считать нескончаемого гула комаров, жужжания пчел, собирающих нектар с цветов, да пения птиц, радующихся начинающемуся дню.

Младшая, обогнав старшую, побежала по тропинке, которая, извиваясь, начала понемногу спускаться. Вдруг из-за куста черёмухи выбежал волк.

– Млада, Млада, смотри – Серко! – закричала младшая, не сбавляя бега.

– Не трогай его, Любава, укусит, – встревожено крикнула Млада, но Любава только беззаботно махнула рукой.

Она подбежала к волку и начала гладить его по холке. Волк, лениво отвернувшись и не обращая внимания на ласки девочки, вернулся обратно к кусту черёмухи, из-за которого появилась девочка лет тринадцати. Невысокая, стройная, с вьющимися каштановыми волосами она изящно несла корзину. Уши её украшали золотые серьги, на шее были бусы из крупного жемчуга, а на руке – оригинальный серебряный браслет. Это была Агапе – дочь, как его за глаза называли жители окрестных деревень, Бирюка, который жил верстах в пяти от града у волчьих оврагов, в глухом урочище, там, где считали местные жители, водятся лешие.

Бирюк почти полтора десятка лет назад пришёл в эти места, повздорил со старейшиной Воистом и поэтому редко бывал в граде. Увидев его, дети всегда пугались, а люди про себя шептали, что идёт колдун. В народе он слыл замечательным кузнецом, но обращались к нему только в крайней необходимости. Да и сам он жил замкнуто, старался поменьше общаться с соседями. Наиболее близкие отношения поддерживал с семьями погибших при последнем набеге хазар Древана и Бажена, да ещё с некоторыми северянами, как говорили, знавшими его ещё до того момента, как он поселился в этих краях. Только эти близкие люди называли его настоящим именем – Василь. А у всех остальных он и его жизнь вызвали непонимание и отчуждение: и то, что он поселился в плохом для северян месте; и то, что его жена Зимава, хромя на одну ногу, родила ему дочь, а спустя четыре года и сына, которых назвали непонятными для славян именами Агапе и Иоанн; и то, что у него всегда водилось диковинное в этих местах серебро и золото; и то, что за ним по пятам всегда ходил ручной здоровенный волчара; и то, что он построил своё жилище не так, как все.

Дом Василя стоял на поляне между двух глубоких оврагов, которые ближе к реке соединялись между собой так, что со стороны реки к нему было не подобраться, и к нему вела через густой лес одна единственная дорога, которая затем упиралась в высокий забор из вертикально закопанных брёвен с крепкими воротами. Жильё Василя сделал не из брёвен, как все северяне,

а из обожжённых глиняных кирпичей, крышу покрыл не соломой, а глиняной черепицей, и самое удивительное, что в доме были не маленькие, как у всех, а большие окна, затянутые бычьими пузырями. За забор Василь никого не пускал, и редкие посетители, приезжавшие к нему, всегда ждали у ворот, со страхом поглядывали на частокол, из-за которого часто раздавались визги и хрюканье кабанов, звон ударов из кузницы, и тихо зывали к богам, прося убедить их от чар колдуна.

Исключение кузнец делал только для сироты Векши – пятнадцатилетнего отрока, прозванного так за ловкость лазить по деревьям. Тот жил в граде и летом пас скот его жителей, а зимой часто посещал дом Василя, и, бывало, ночевал там по несколько дней подряд, но потом собирался и опять уходил в град, то ли стесняясь чего-то, то ли по каким другим причинам...

Увидев Младу и Любаву, Агапе помахала рукой и приветливо улыбнулась:

– Вы куда?

– Мы на реку, – ответила Млада. – Станко с братьями рано ушёл рыбу ловить. Жилена пирогов испекла, я их им несу, а Любава со мной увязалась.

– А у нас соль кончается. Иду в град, может, кто одолжит, – Агапе повернулась к волку. – Всё, Серко, иди домой, не провожай.

Волк сел, заскулил, но Агапе решительно махнула рукой, добавив что-то на незнакомом языке. Серко повернулся и лениво побежал туда, откуда они пришли.

Тропинка, извиваясь между кустами и деревьями, то становясь шире, то сужаясь, вдруг выбежала и раскинулась широкой полосой луга с обильным разнотравьем вдоль медленно текущей реки, которая была ещё покрыта туманом, и там, внизу, раздавались звонкие голоса.

– Млада, вон они, – вскричала Любава и бегом побежала вниз к реке. – Путята!

Подойдя ближе к воде, сквозь разводы белесой пелены Млада увидела старших братьев Станко и Вячеслава, младшего Житко и двоюродных Сфирько и Путята – родных братьев Любавы. Станко был самым старшим – ему уже минуло семнадцать вёсен. Высокий, широкоплечий, с уже начинающими наливать мужицкой силой мышцами он по грудь был в воде и вдоль жёлтых, цветущих в реке кубышек за один конец тянул бредень, а за другой – Сфирько. Он был младше на один год, чуть пониже, но с широкой грудной клеткой и длинными руками. Вячеслав – пятнадцати лет, Житко – тринадцати и Путята – двенадцати худые и немного нескладные отроки, цепляясь ногами за стебли и листья растений, шлёпали по воде ладонями и, то ли плывя, то ли идя, продвигались от берега к бредню и загоняли в него рыбу. Станко молча тянул привязанный к шесту свой конец бредня, а Сфирько на правах старшего громко покрикивал на загонщиков:

– Загоняй, недотёпы!

Млада и Агапе подошли к ним, когда они уже вытащили бредень на берег и из мотни высыпали на траву рыбу, остатки зацепившейся речной травы и больших чёрных раков. Станко, Сфирько и Вячеслав выбирали из вороха рыбы наиболее крупных лещей, язей, стерлядей, щук и относили их в большую корзину с крышкой, погружённую на половину в воду, а остальную мелочь бросали опять в реку. Житко и Путята, клацая зубами от холода, побежали греться к костру, огонь которого поддерживал брат Агапе Иоанн. Он повернулся к остальным и громко закричал:

– В котелке уже вода закипела. Пойдёмте, раки быстро сварятся.

Станко согласился:

– И правда, давайте немного погреемся, а потом ещё разочек с бреднем пройдем.

Брошенные в кипяток чёрные раки быстро начинали краснеть, и уже совсем скоро Иоанн деревянным черпачком доставал их сваренных из котелка и по очереди выкладывал перед каждым сидящим у костра. Млада ломала принесённые ей пироги на половинки и раздавала всем. Согретый Путята начал, балуясь, толкаться с Любавой, но подзатыльник Станко сразу его

успокоил, и у костра установилась тишина, нарушаемая треском ломающихся панцирей и отдираемых клешней раков.

Вдруг эту тишину нарушил хлесткий хлопок кнута и мычание коровы. Млада поднялась на ноги и звонко крикнула в туман:

– Векша, иди к нам раков есть!

Из тумана вышел долговязый худой отрок в давно не стираной рубашке и таких же замызганных с дырками штанах. В руках у него был кнут, длинный конец которого как змея полз за Векшей и пропадал где-то сзади в траве.

– Векша, – обрадовался Иоанн, – ты где пропадаешь? Давно у нас не был.

Отрок положил свой кнут рядом с аккуратно лежавшими недалеко от костра лука со стрелами, копыя с не очень длинным древком и большого кинжала в ножнах и сел на траву рядом с Вячеславом, который молча отломил ему половину пирога от своего куска.

– И правда, Векша, заходи, – приветливо улыбнулась Агапе. – Я тебе рубашку зашью, да и штаны тоже. Смотри, дырки какие.

– Некому кроме меня скотину пасти, вот и некогда зайти.

– Так прямо и некому? – возразила Агапе. – Вон, какие боровы в граде живут.

Солнечные лучи уже начали разгонять остатки тумана, и стал виден луг с пасущимися коровами, а также отрок, идущий по направлению к костру. Это был сын старейшины града Воиста Болерад.

– Странно, – заметил Векша, – чего-то он сегодня рано встал.

– Скажи, Векша, – продолжила Агапе, – а в граде не говорят, когда купец там должен появиться?

– Нет, не говорят, – промолвил Векша, вытаскивая зубами белое мясо из клешни рака. Сегодня рано утром кто-то в град приехал вместе со Слободаном. Я уж стадо от града отогнал, когда они через мост проезжали. Но что это не купец, – это точно.

К сидящим подошёл пухлый отрок в белой рубашке, подпоясанный кожаным поясом, на котором висел большой нож в чехле, украшенный витиеватыми узорами. От его пухлости пояс был не на талии, а где-то ниже: под выпирающим животом. По возрасту он был ровесником Сфирько, может быть чуть старше. На ногах у него были сапоги, по которым он изредка ударял длинным прутиком.

– Ты чего здесь расселся? Коровы без присмотра совсем! – закричал он на Векшу.

– А куда они уйдут? На лугу трава сочная, и её полно, река рядом – напьются, – нехотя ответил Векша.

– Отец сказал, чтобы ты весь скот гнал в град.

Векша встретился взглядом с Агапе и с вызовом произнёс:

– А что мне остальные жители града скажут, когда я их голодный скот обратно пригоню? Пусть пасутся. Тебе надо, – бери своих коров и гони в град.

– Ты чего не понял? Я говорю, что отец приказал...

– Да чего же ты так кричишь, Болерад? У Слободана научился? – возмутилась Агапе.

– А ты, Агапка, в мужицкие дела не лезь. Ишь, какая перечливая выросла.

– Моё имя Агапе.

– Да что ты говоришь! А для меня вы – Агапка да Ванька.

– Моего брата зовут Иоанн, что по ромейски означает обласканный Богом, а Агапе – означает любовь.

– Ха, ромейские! Напридумывают имён!.. Хороша семейка: колдун сухорукий да колдунья косоногая. А всё туда же – имена ромейские...

Иоанн вскочил на ноги и, бешено округлив глаза, закричал:

– Не смей так говорить о моих родителях!

Вячеслав сидел и молчал, и только его глаза становились всё уже и уже. Но Болерад не обратил внимание на Иоанна и продолжил:

– Любовь по-ромейски!.. А ты до любви доросла? А может у тебя ноги кривые, как у мамыши твоей?

Болерад прутиком откинул подол сарафана у Агапе, оголив её ноги выше колен. Агапе ахнула и быстро укрыла опять подолом свои ноги.

– Странно, ноги как ноги, и даже ровные. И как только могли колдун со своей хромоногой колдуньей такую девку с красивыми ногами родить?

Иоанн нагнул голову, бросился к Болераду и с разбегу ударил его головой в живот. Тот согнулся от боли, а затем выпрямился и выхватил свой нож. Вячеслав вскочил на ноги, одной рукой схватил запястье с ножом Болерада, а ребром ладони другой ударил по руке, держащей нож, чуть ниже локтя. Нож упал на землю. Затем Вячеслав изо всей силы толкнул его в реку:

– Остынь маленько.

Брызги от упавшего в воду Болерада долетели даже до горящего костра, где зашипели на пылающих углях. У берега было не глубоко, но грязно-зелёная тина мешала Болераду быстро подняться. Наконец он встал и с бешеными глазами уставился на Вячеслава. Сфирько поднялся и встал рядом с братом:

– Чего смотришь? Забирай своих коров, да и уматывай отсюда. Раскричался здесь...

Вячеслав, насупив брови, добавил:

– Нож вынимай только против врагов. В следующий раз отниму и в реку брошу.

Вылезший на берег мокрый Болерад снял с себя лохмотья тины, подобрал свой нож и с угрозой произнёс:

– Ладно, ладно, всё вам припомнится. Вы ещё кровушкой умоетесь...

Вячеслав вскипел:

– Поговори у меня ещё!..

Сфирько положил ему на плечо свою тяжёлую руку и толкнул к костру:

– И ты охолонь!

Болерад вылил воду из своих сапог и, то и дело оглядываясь, побрёл к стаду.

Агапе встала:

– Пожалуй, и я пойду.

Млада вскочила на ноги:

– Я тоже с тобой. Давно я в граде не была.

– Возьмите свежей рыбы с собой, – предложил Станко. – Поменяете в граде на что-нибудь.

Станко выбрал несколько стерлядок, пару крупных лещей и положил их в корзину Агапе. Девочки, держа её с двух сторон, чтобы было легче нести, и поглядывая на Болерада, который никак не мог справиться с непослушными коровами, скрылись за кустами ивы, густо растущими по берегу.

– Заканчивайте греться, – Станко подошёл к костру. – Время не ждёт. У костра рыбу не поймаете.

Юноши начали подниматься от костра, но вдруг раздался крик:

– А-а-а!

От стада коров по направлению к реке сломя голову бежал Болерад, а за ним между коровами скакали три всадника, намериваясь его догнать. Болерад, ломая молодую поросль ивняка, с разбегу бултыхнулся в воду, и всадники, увидев стоящих на берегу детей, повернули коней в сторону костра.

– Степняки! – крикнул Сфирько, бросился к сложенному у костра оружию и схватил кинжал.

Житко воткнул один конец лука в землю и всем телом навалился на другой, натягивая тетиву, а затем выхватил стрелу и прицелился в приближающихся всадников, выскивая будущую жертву. Рядом встал Станко, выставив перед собой острое жало короткого копья. Путята выхватил из костра горящую с одного конца толстую ветвь и тоже присоединился к братьям. Иоанн достал из-под рубашки пращу, положил в неё увесистый камень и начал вращать пращу над головой. Векша со своим кнутом отбежал в сторону и пригнулся к самой земле, словно кошка перед броском на пичужку, неосторожно севшую на землю. И только Вячеслав на тяжёлых, ставших как камень ногах остался на месте и смотрел, как приближаются хазары.

Первый всадник, видя перед собой молодых отроков и чуя лёгкую добычу, начал вертеть над головой верёвкой. Но как только он подскакал, Векша взмахнул своим длинным кнутом и захлестнул им передние ноги коня степняка. Спутанные конские ноги подкосились, конь упал, а всадник кубарем полетел на землю. Сфирько бросился к ещё не отошедшему от падения степняку и с размаху несколько раз воткнул свой кинжал ему в грудь.

Второй всадник выхватил меч и направил своего коня на Сфирько. Наперерез ему, выставив своё копьё, бросился Станко. Хазарин взмахнул мечом, а Сфирько отпрянул от поверженного врага и выставил над своей головой кинжал, защищаясь от предстоящего удара. Метко пущенный из пращи Иоанном камень ударил в лицо всадника так, что он покачнулся в седле, и в этот момент Станко снизу воткнул ему под рёбра смертельное жало. Хазарин начал валиться из седла прямо на отрока, вырвав из его рук древко копья, застрявшее в степняке. Едкий запах конского пота и свежей крови ударил в ноздри Станко. Он оттолкнул от себя падающего хазарина, и рядом с ним на землю упал последний из всадников, пронзённый стрелой, выпущенной Житко.

Станко огляделся, медленно и шумно втянул носом воздух, резко выдохнул и повернулся к Житко:

– Вовремя ты степняка стрелой сразил. Можно сказать, что мне жизнь спас.

– А ты мне, – отозвался Сфирько.

– Не меня благодари. Это Иоанн камнем попал в хазарина, и поэтому он рубануть мечом тебя не успел. А я уж потом его беспомощного как копну сена проткнул. Где ж ты так наловчился-то, Иоанн?

– Отец научил. Долго пришлось учиться-то... Один раз я даже птицу в полете сбил. Когда умеешь чего-нибудь, то это не трудно. Да что я! Вон Векша как с кнутом справляется! Благодаря ему первый хазарин с коня слетел.

– Все молодцы, – примирительно сказал Станко.

– Не все! – хмуро возразил Сфирько и подошёл к Вячеславу:

– А ты чего растерялся-то? Все воюют, а он столбом встал.

– Не обижай его Сфирько, – заступился за Вячеслава Станко. – Впервые у него это...

Всегда впервые оторопь берёт.

– И у Житко впервые, и у Путяты, даже у Иоанна, а он не растерялся и степняка камнем сразил...

– А что я? Куда я с ножом против меча? – начал оправдываться Вячеслав.

– Оружие тебе надо? Пойдём к хазарину, и у него меч возьмешь, – Сфирько схватил Вячеслава за руку и, можно сказать, почти потащил его к лежащим на земле степнякам. – Бери меч. Чего побледнел? Мёртвых боишься? Не бойся, теперь они зла не сделают.

Вячеслав повернулся к Станко:

– Станко, хазары по трое в набег не идут.

– Смотрите! – закричал Путята, показывая рукой на лес.

Над верхушками деревьев, в той стороне, где находилась их деревня, показались белесые клубы дыма. Вячеслав сорвался с места и первым побежал в ту сторону. К горлу подошёл тяжёлый ком, и сердце учащённо билось от наступившей беды. Он не слышал топота босых ног

сзади, но знал, что его братья бегут следом. Вячеслав ужом проскальзывал между деревьями, уворачиваясь от толстых ветвей. На бегу он старательно выставлял вперед свои руки, но нет да нет тонкие ветви противно стегали его по лицу. Наконец послышался треск большого пожара.

Вячеслав из-за кустов на опушке леса смотрел на объятую огнем деревню. За пылающими домами сквозь дым он увидел множество всадников, которые вели связанных родичей и соседей. Вячеслав шагнул по направлению к горящим домам, но ладонь Станко, положенная ему на плечо, остановила его:

– Не дури! Помочь не сможешь, а голову сложишь, или того хуже – в полон заберут.

Недалеко в лесу громко вскрикнула женщина, и было совсем непонятно, что в этом крике было больше: ужаса или отчаяния? Станко и Вячеслав бросились на этот крик. Впереди с мечом в руке, видимо отобранного у мёртвого хазарина, бежал Сфирько.

Послышался плач младенца и то ли всхлипы, то ли стоны женщины, а также гортанный говор степняков. Из-за кустов подбежавшие отроки увидели, что на небольшой полянке в крови лежал порубленный муж Жилены Святозар, рядом с мёртвым отцом заливался плачем грудной ребёнок, а сама Жилена вырывалась из рук двоих хазар, которые пытались её связать. Рядом на коне с мечом в руке сидел третий хазарин и недовольно хмурился. Сарафан на Жилене был сильно порван, и сквозь него проглядывало голое тело. Хазары вязали ей руки, а их глаза слащаво глядели на крупные, налитые молоком кормящей матери груди.

– А-а-а! – закричал Сфирько и бросился на степняков. За ним из кустов выбежали Станко, Вячеслав и Векша. Хазары оттолкнули Жилену и выхватили мечи. Жилена бросилась к своему плачущему младенцу и прижала его к своей груди. Сфирько и Станко напали на пеших, но опыт степных воинов сказался, и они начали теснить славянских отроков. Свистнула стрела и вонзилась в бок одному хазарину, а Векша хлестанул своим кнутом по глазам другого. Всадник пришпорил своего коня и напал на Станко, который пытался отбить своим коротким копьём разящие удары меча хазарина, но всадник перерубил древко, а затем концом меча достал отпрыгнувшего отрока. Меч наискось полоснул ему по плечу и по груди. Конь скакнул, и следующий удар всадник нанёс мечом уже по незащитной шее Сфирько.

Ярость охватила Вячеслава, и он с безрассудством с разбега запрыгнул на круп коня сзади всадника и по самую рукоять воткнул свой нож в шею хазарина. Векша ещё раз стеганул своим кнутом по лицу оставшегося хазарина, ослепляя его. Вячеслав прыгнул с коня на закрывшего рукой своё лицо хазарина, сбил его на землю и всей тяжестью своего тела навалился на свой нож, втыкая его меж рёбер хазарина, туда, где билось его сердце. Степняк захрипел, задёргался под Вячеславом и обмяк.

Вячеслав встал на ноги и огляделся. На полянке лежали мёртвыми Сфирько, Святозар и двое хазар, по которым уже ползали большие зелёные мухи, слетевшиеся на запах крови. Недалеко хрипел раненый стрелой хазарин. Ребёнок Жилены уже не плакал и, припав к груди матери, тихо почмокивал, а сама Жилена тихо рыдала над телом своего убитого мужа. Станко сидел около дерева, прижав руку к кровоточащей ране, и иногда тихо постанывал сквозь зубы. Молчание разрушила Любава:

– Что делать-то, Вятко?

На него смотрели девичьи глаза и глаза отроков, в которых сквозило ожидание дальнейших действий. Но за этим вопросом скрывался другой, не произнесённый вопрос о дальнейшей жизни. От него, как от самого старшего после Станко, от него, который на их глазах убил двоих врагов, все ждали решения о дальнейшей судьбе. И эти глаза, смотрящие на него, немного тревожные и отчасти испуганные, ожидали действий, которые смогли бы немного отвлечь их от невозполнимых утрат и дать хоть какую-то надежду на спасение.

Своим уже не детским, но ещё и не взрослым умом Вячеслав вдруг осознал всю глубину ответственности за продолжение своего рода, за жизнь этих оставшихся в живых после набега врагов, даже за пленённых хазарами сородичей и всех жителей деревни.

Векша молча подобрал выпавший из рук Сфирько меч, подошёл к раненому стрелой хазарину и так же молча рубанул его по шее. Это молчаливое убийство хазарина подтолкнуло Вячеслава к действию. Он снял свою рубашку и протянул её Жилене:

– Жилена, перестань. Его уже не поднимешь, а у тебя дитё от него. Переоденься, а то сарафан твой порванный весь. Да Станко перевяжи, чтоб кровью не истёк. Уходить отсюда надо. Станко, ты как? – Вячеслав нагнулся к брату. – На коня сможешь забраться?

– Не знаю, смогу ли... – простонал Станко. – Вячеслав, угонят хазары полон, пропадёт народ, а они спасение ждут... И жить будут только надеждой, но с каждым днём надежда у них будет угасать. Так что медлить нельзя. И ещё, ты молодец. Ты нас сейчас всех спас. Я всегда в тебя верил. А сейчас нужно спасти наш род. Кроме тебя никому...

Вячеслав выпрямился:

– Верстах в двух отсюда старая землянка тётки Зимавы. Туда перебираться надо. Векша, как только Жилена перевяжет Станко, помоги ему на коня забраться и проводи их до землянки.

– А как же Святозар и Сфирько?.. – со слезами в глазах спросила Жилена.

– Вначале живых спасать надо. Потом их заберём. Не уйдёт от них огонь, который поможет им встретиться с нашими предками.

Вячеслав поймал взгляд Иоанна:

– Иоанн, беги домой и попроси свою мать, чтобы она помогла Станко: лучше тётки Зимавы никто раны не лечит.

Иоанн скрылся среди деревьев.

– Житко, Путята, ступайте на берег и заберите коней и оружие хазар. Не мешкая, скачите по следам хазар, оставляя за собой метки. Нельзя, чтобы степняки скрылись с полоном. В дорогу рыбы себе запеките на углях. На рожон не лезьте, постарайтесь узнать: сколько их. Сторожитесь, чтобы на засаду не наскочить, а то враги погони будут опасаться и обязательно сторожу будут оставлять. Старайтесь близко не подходить, но и из виду не упускать. Я в град пойду, чтобы людей поднять. Думаю не позже, чем через два дня вас догоним и полон отобьём.

У ребятишек заблестели глаза от уверенных слов Вячеслава, и, главное, они поверили, что так и будет, как он сказал. Вячеслав махнул рукой, и Житко и Путята юркнули в зелёные заросли леса, а Векша удручённо покачал головой:

– Не даст Воист людей.

– Как это не даст? – возразил Вячеслав. – Не посмеет не дать. Чай одноплеменники мы все. Если ещё друг другу не помогать, то племени не будет, и хазары нас всех перебьют. А если я не прав, то ты скажи: что делать? Не знаешь? То-то...

Векша недоверчиво смотрел на Вячеслава.

– Я знаю, что с Воистом в граде непросто будет. Смотри, Векша, народ в округе по деревням собирать, – время уйдёт. И ещё неизвестно, а может и там всё хазары разорили. А нам сейчас быстрота нужна. Вдвоём мы полон не отобьём, а нам бы хоть человек тридцать набрать.

Векша пожал плечами:

– Попробуй, но я всё равно не уверен, что может получиться. Дядьке Василию надо сообщить...

– А что он один сможет? Ладно, у землянки встретимся.

Вячеслав спешил, иногда переходя на бег. Он избегал открытых мест, стремясь находиться под тенью леса, который мог спасти от хазар, но не спасал от комаров, которые нещадно его донимали: то и дело они садились ему то на голую грудь, то на голую спину. Злая мошка отстала от него, только когда лес расступился, и Вячеслав вышел на берег реки. До града оставалось версты полторы, и он ускорил шаг.

– Кар-р!

Вячеслав от неожиданности отпрыгнул в сторону и остановился. В нескольких шагах от него вылетела ворона и полетела прочь.

– Вот, чернота, испугала... – Вячеслав подошёл к тому месту, откуда вылетела птица.

На траве лежала перевёрнутая корзина, из которой вывалились уже подсохшие рыбины, причём некоторые из них уже были расклёваны улетевшей вороной. В нескольких шагах от корзины густая трава была примята, и на земле виднелись отпечатки конских копыт. Это была корзина с рыбой, которую несли в град Млада и Агапе.

Глава 2

Куреп, слегка покачиваясь в седле, ехал за своими воинами, у которых на холках коней лежали две связанные славянские молодые девушки, и невольно перехватывал взгляд одной из них, которая изредка поворачивала голову в его сторону и которая умудрилась укусить его, когда ей вязали руки. Эти глаза, полные злобы и ярости, наполнили ему глаза крупной рыси, с которой он случайно повстречался на охоте в плавнях реки Итиль. Эта дикая кошка стояла над тушей молодого кабана, убитого ею, и в её глазах Куреп увидел такую непреклонность в отстаивании своей добычи, что он, хотя и не хотел признаваться себе в этом, по-настоящему испугался и медленно отступил в заросли.

Но ему ли бояться эту разгневанную и непокорную славянскую кошку, которая грозила страшной мезью своего отца, причём на языке степных жителей и на языке ромеев. Куреп много общался с заморскими перекупщиками живым товаром, нахватался их слов и понял, что она говорит по-ромейски довольно бегло. Многие славяне, живя на границе степи и леса, могли общаться с жителями степей на их языке. Но то, что в глухомани лесов юная дева, свободно говорящая на нескольких языках, а также дорогие украшения, которые были на ней, показывало, что она не простая славянка, а может быть даже дочь какого-нибудь боярина. А ему ли бояться какого-то славянского воина, ему, который в последней войне с полянами пролил немало славянской крови. Куреп был уверен в себе и своих людях, которые закалены в непрекращающихся битвах и стычках, не то, что эти славяне – землепашцы и хлеборобы. Какие из них воины? Глубоко в его мыслях сидел только один страх: чтобы на его пути не встретился прославляемый в степи Кара-батыр. Но это в степи. А здесь в лесах эти славяне казались ему не страшнее назойливых мух.

Куреп опять поймал на себе взгляд этой непокорной девчонки. За её угрозы можно было бы и убить, но его останавливала возможность нажиться при продаже этой стропливой девицы ромеям, которые очень ценили рабов, умеющих говорить на их языке. А эту стропливость ей там быстро обломают. Это здесь, рядом со своим домом она может показывать свой характер, а вдали поубавит свой пыл. Там ей и якобы «всесильный» отец не поможет.

Другие, когда их берёшь в полон, пугаются, а эта злюка так и не дала снять с неё серебряный браслет. Как ни крутил его Куреп, снять его было не возможно. Может быть, эта девка правду сказала, что снять браслет можно только отрубив ей руку. А вот те золотые серьги и бусы с крупным речным жемчугом, которые он снял с этой дикой кошки, теперь лежали у него за пазухой и ласкали его думы о дальнейшей судьбе этих драгоценностей. Может быть, он их продаст за хорошую цену или отдаст в качестве калыма за ещё одну жену.

Та, другая, которая постарше, не вырывалась, когда ей вязали руки и, казалось, полностью смирилась со своей судьбой. Эта покорность притягивала Курепа. Ему хотелось сдавить её в своих объятиях, мять руками только начинающие наливать груди, кусать её тонкую и белую шею и испить вкус с этих влажных и алых губ. Хазарин решил, что в первую же ночь он притащит её в свой шатёр и постарается узнать прелесть её тела и вкус её поцелуев. Похожи ли они на вкус персика? Он был уверен, что не встретит сопротивления.

Сопротивляться хазарам! Если бы славяне знали, как огромно и сильно войско хазар, они даже бы не пытались этого делать. Но войско, которое сдерживает дикие полчища печенегов в степях за рекой Итиль, которые успешно воюет с арабами, или как их называют ромеи – сарацинами, только тогда предано своему кагану, когда у кагана достаточно денег. Большие табуны и огромные отары – это, конечно, хорошо, но на что купить парчу или шёлк, приво-

зимые от ромеев и к которым так привыкла хазарская знать? Для покупки нужно золото и серебро, которое, в конце концов, оседает у торговцев, которых с каждым годом становится всё больше и больше.

Серебро и золото появлялось в результате войн, когда побеждённые народы складывали к ногам победителей свои драгоценности, но на границах Хазарии таких богатых народов стало очень мало. Когда ромеи платили дань или, попросту сказать, откупались от навязчивых степняков, чтобы те не тревожили жителей империи, воинам перепало кое-какое серебро и золото, но эта река начала пересыхать после того, как ромейские города Херсонес, Боспор, Сугдея и другие завоевали хазары. После этого у империи не осталось причин разбрасываться золотыми монетами, к тому же эти бесконечные войны с усилившимся ханством болгар, которым иногда помогали стремительные авары, с которыми даже хазарам с их громадным войском не хотелось связываться. И вот, чтобы получить желанное серебро, Курепу с его воинами приходилось делать набег за набегом на славян, чтобы потом продать их тем же ромеям, сарацинам или в жаркие страны за Хазарское море.

Раньше он брал полон у полян, но после того как хазары завоевали их земли, то в самых больших их градах поселили сборщиков податей. Поляне платили с каждого двора по одной серебряной монете или могли заплатить мехами. Если не было ни того ни другого, то хазары забирали ребёнка в рабство. Этот маленький ручеёк полянской дани не мог восполнить сокровищницу хазарского кагана, из которой водопадом выплёскивались расходы. Теперь делать набеги на это племя стало опасно, ведь каждое разорение полян означало, что ты залез в карман самого кагана, уменьшив поступление доходов.

Поэтому в целом набег Курепу казался успешным. Олу-Ата, присланный с десятком воинов по распоряжению самого кагана из новой столицы Итиль, стоящей на берегу одноимённой реки, мог быть довольным. Разорено уже несколько деревень, все, которые могли держать оружие, порублены, захвачено почти шесть десятков молодых парней и девушек. Куреп в своих набегах старался не брать в полон взрослых. Большое количество пленённых мужиков очень трудно было охранять, взрослые женщины при продаже не приносили большого барыша, а хлопот с ними было много. То ли дело молодые! Белокожих и беловолосых славянок с удовольствием покупали в гаремы, а из пригожих парней делали евнухов в этих же гаремах. И ничего, что погибло всего четыре воина. Раз они погибли от рук славян – значит, они были плохими воинами, раз дали убить себя.

А барыш должен быть приличным! Не должен же Олу-Ата взять себе половину... У Курепа было в три раза больше воинов, чем у него, когда они пошли в набег. Четверть – это справедливая цена, считал Куреп. Ну, по крайней мере, треть, но не половина же... Да ещё это серебро в мешочке, собранное славянами и переданное ему, чтобы хазары не разоряли другие селения. Серебра было мало, но лишь бы о нём не узнал Олу-Ата.

Курепа тот встретил руганью:

– Ты где пропадаешь? Долго мы тебя должны ждать? Того и гляди, что славяне опомнятся и войско выставят. Уходить надо быстрее.

– Не нападут, – беззаботно произнёс Куреп.

– С чего ты это взял? Или ты знаешь, что думают славяне?

Куреп поперхнулся, вспомнив о своём серебре, и затаив дыхание, часто заморгал. От ответа его спасло то, что Олу-Ата отвлёк разговор, возникший между хазарином и связанным парнем в плотно забитой пленниками телеге, в которую воины Курепа бросили пойманных девиц.

– Куда нас повезут? – спросил парень хазарина.

– В Каршу, или в Сурож, или в Корсунь, – нехотя ответил всадник, не поворачивая головы.

– И чего нас там ждёт?..

– Продадут вас там. Девки рабынями будут или наложницами. Некоторых парней евнухами сделают. Тебя-то уж точно, – засмеялся хазарин.

Его смех оборвал ударом нагайки Олу-Ата:

– Не разговаривать с полноном!

Воин после удара вначале схватился за меч, но увидев, кто его ударил, пришпорил коня и ускакал. Куреп нахмурился: не много ли себе позволяет этот Олу-Ата? Он пошёл в набег вместе с ним, но это не значит, что какой-то десятник бессмертной тысячи кагана вправе считать себя хозяином Курепа и его людей, распорядиться ими, но всё-таки побоялся ему перечить.

– Ты плохо обучил своих воинов, Куреп. Его должен был наказать ты.

– Ты чего злишься, Олу-Ата? Всё хорошо. Смотри, сколько полону набрали. Большой барыш получим.

– Да плевал я на твой барыш и на твой полон. Не нужен он мне.

Радостная надежда начала озарять Курепа.

– Завоюем этих северян, – все наши будут. У меня пропал Атчапар и два моих воина, которых я выделил его охранять. Атчапар – племянник самого визиря, которому подчиняется наёмное войско из мусульман. А если с ним что-то случилось?

– Да что с ним может случиться? Догонит нас. – Куреп, радостный от того, что Олу-Ата послали в набег только для того, чтобы вызнать пути подхода к селениям северян, а также, что теперь вся выручка от продажи полона достанется ему, дал команду трогаться в путь.

Заскрипели колёса, началась неразбериха выстраивания повозок в колонну и привязывания поводьев лошадей к впереди едущим. В этой толчее с одной из них спрыгнул малец и залез на другую.

– Млада! – малец прильнул к связанной девушке и заплакал. – Млада, мамку заруби-и-ли. У Млады тоже потекли слёзы.

– Не плачьте! – Агапе поудобнее примостилась в телеге, так как связанные сзади руки не позволяли удобно сидеть. – Единец, ты скажи, Станко здесь?

Плачущий мальчик отрицательно помахал головой.

– А Сфирько?

– Тоже нет... – всхлипы и спазмы в горле не давали ему говорить.

– Вот видите! Их хазары не поймали. Станко и Сфирько сильные. Они обязательно нас спасут.

– А Житко ещё хорошо из лука стреляет, – слёзы у Единца перестали литься из глаз. – И Вятко ещё ножи метко бросает.

Все связанные пленники с недоверием слушали этот разговор, а парень кисло улыбнулся:

– Я смотрю, у вас целое войско собирается. Но пока их дождешься, хазары всё что можно могут отрезать. Единец, ты можешь мне руки развязать? Только смотри, чтобы хазары не видели.

Единец, постоянно оглядываясь и тараща во все стороны круглые глаза, пролез за спину парню. Он долго и сосредоточенно своими маленькими и слабыми пальчиками пытался развязать тугой узел, но потом выглянул из-за спины и шёпотом виновато произнёс:

– Я никак... Он тугой.

Агапе зыркнула глазами по сторонам и с трудом протиснулась между плотно сидящими пленниками к парню:

– Единец, освободи место. Млада, поглядывай!.. Скажешь, ежели что.

Агапе вцепилась зубами в верёвку рядом с узлом и начала перетирать её волокна. Толстая верёвка поддавалась с трудом. Перетёртые её лохмотья щекотали ноздри Агапе, прилипали к языку и лезли в горло, вызывая спазмы рвоты. Особенно трудно пришлось, когда обоз тронулся, и повозка, раскачиваясь и подпрыгивая на неровностях дороги, а вместе с ней и в ней

сидящие, затрудняла Агапе выполнять задуманное. Несколько раз Млада останавливала её, когда приближалась всадники. Наконец парень, пошевелив руками, оборвал последние нити:

– Кто со мной? Давайте развяжу.

Агапе отрицательно покачала головой:

– Заметят, не надо. Ты беги, а нас скоро освободят.

– Тогда храни вас всех боги.

Куреп ехал, слегка покачиваясь в седле, и в который раз высчитывал возможную выручку от продажи полона. Его раздумья прервал Олу-Ата, подсакавший к нему:

– Куреп, нельзя ли двигаться побыстрее?

– Если поедem быстрее, то кони могут устать. Выгоды никакой.

– Тогда оставь заслон от возможной погони.

– Выедем из леса, оставлю, а сейчас нет смысла: за каждым деревом можно спрятаться.

А в степи раздолье – далеко видно. Ты чего-то опасаясь, или мне показалось?

Олу-Ата нахмурился:

– Я послал четырёх воинов с наказом найти Атчапара. Они нашли всех троих убитыми. Но из четырёх вернулись всего двое, – Олу-Ата перешёл на крик, – потому что там же двоих сразили стрелы, – более тише он продолжил: – А ведь это были воины из бессмертной тысячи самого кагана, в которую не так просто попасть. Это были самые обученные воины. Теперь их место займут другие, на то она и бессмертная тысяча, потому что на место выбывших всегда приходят другие воины, и их число опять будет тысяча. Но как мне потом смотреть в глаза визирю?..

Курепу стало не по себе. Потерять пять бессмертных воинов в одной славянской деревне. Да ещё трое его воинов где-то пропали. Это уже слишком. Эти северяне, оказывается, могут быть довольно опасными. Скорей бы проехать этот проклятый лес, стоящий вокруг сплошной зелёной стеной, из-за которой так и кажется, что вот-вот может прилететь смертельная стрела. А может эта дикая кошка, говорящая по ромейски, не зря грозила карой своего отца? Кара... Какое зловещее слово! И напоминает имя Кара-батыр. У Курепа пробежал холодок по спине.

С одной из телег вдруг спрыгнул парень и скрылся в густой зелени леса.

– Стой! Догнать! – бешено закричал Куреп.

Телеги остановились. Несколько всадников спешили и бросились в лес за беглецом. Куреп заметил, как криво усмехнулся Олу-Ата.

– Кто связывал пленников? – рыкнул Куреп.

Один из хазар поднял брошенную парнем верёвку:

– Узел целый. Он её перетёр.

– Разуй глаза, Куреп! – рявкнул Олу-Ата. – Ты погляди на неё!

Олу-Ата показал нагайкой на Агапе. На подбородке у девочки прилипла прядь пеньковой верёвки.

– Слушайте все! – вскипел Куреп. – Если ещё сбежит кто-нибудь, то всем на повозке, откуда сбежали, отрежу голову.

Глаза Агапе вызывающе и бесстрашно продолжали смотреть на хазар.

– Как баранам, – округлив глаза, добавил Куреп.

Из леса все в грязи и без беглеца вышли хазары:

– Там дальше болото и трясина. Нас чуть не засосало. Там не пройдёшь. Скорее всего он утонул.

Куреп от досады ударил себя нагайкой по сапогу. Покупатели на торгах могли бы дать за беглеца пять золотых монет. Как их теперь возместить? Он взглянул на Агапе:

– Так ты утверждаешь, что тебя так любит отец, что он готов на всё? А готов он дать за тебя выкуп?

– Он может дать выкуп, но вас всех потом убьёт.

Слышащие это хазары рассмеялись, а Куреп уточнил:

– И он может дать за тебя сто золотых монет?

– Да, он может заплатить за меня сто солидов. Но после этого он вас всех убьёт.

Сто солидов – это довольно тяжёлый мешочек с золотом. Откуда у этого славянина ромейские солиды? Хотя у этой девчонки были дорогие украшения, и она ещё разговаривает по-ромейски. Куреп приподнялся на стременах и махнул рукой:

– Трогай!

Колонна опять тронулась в путь, а Куреп ехал и думал о том, как бы ему занять это золото. За такие деньги её не продашь даже одноухому ромею, который часто покупал у хазарина пленников. Может переговоры о выкупе провести через этого ловкого славянина, который привёз ему серебро? Это надо хорошо обдумать.

Глава 3

У раскрытых ворот града в тени частокола полусидели-полулежали два отрока. Они были постарше Вячеслава, и поэтому снисходительно окликнули его:

– Постой, чего так спешишь?

Вячеслав, не останавливаясь, бросил через плечо:

– Хазары рядом.

Отроки немного опешили:

– Какие хазары? Подожди!

Но Вячеслав даже не обернулся, и они, замельтешив между чувством долга охранять ворота и неожиданной вестью, махнули рукой на чувство долга и побежали за Вячеславом.

– Постой! Где хазары?

На их крики из домов начали выходить люди и следовать за отроками. Таким образом, во двор Воиста Вячеслав вошёл уже во главе приличной толпы, которую как всегда криком встретил Слободан:

– Вы куда? Куда прёте! А ну назад все!

Из толпы раздались выкрики:

– Воиста давай зови! Решать надо!

На шум появился Воист:

– Что случилось? Что за шум?

Вячеслав шагнул вперёд:

– Хазары напали. Людей побили и в полон много забрали. Вызволять надо. Собирай воинов!

Сзади Вячеслава зароптал народ.

– Хватит гомонить! – крикнул Воист. – Эка невидаль – хазары напали! Стены града высокие, отсидимся за ними, и не достанут нас тут степняки. Не впервой.

– Как же так? – опешил Вячеслав. – Там же люди. Их же спасти надо.

– Где их в лесу искать? А в степи и подавно не найдешь. Степь широкая, а хазары в ней как рыба в воде. Да и поделом им. Всё своевольничали. Слушались бы меня, что я говорю, и с хазарами мирно жили.

– Как же так! Да что ты такое говоришь! Мы же все северяне.

– Молчи, отрок. Не тебе меня учить. И у хазар люди живут. Как-нибудь... Мне о людях в граде надо думать.

– И у хазар люди живут! – с комком в горле и со слезами на глазах закричал Вячеслав. – Мы всегда с ними бились. За свой живот боишься. Тать ты, тварь последняя!

– Ты очень дерзок, не научил тебя отец почитительности к старшим.

– Мой отец и дядя Бажен в последней битве с хазарами погибли, а ты в граде отсиделся!

Воист поджал губы и повернулся к стоящим сзади своим людям:

– Бросьте в холодную наглеца. Пусть остынет маленько.

Два дюжих мордастых воина схватили Вячеслава за руки.

– Погодите! – к Вячеславу подошёл Болерад и с недоброй усмешкой своим ножом срезал висящий на шнурке на шее Вячеслава его нож. Затем три раза ударил его кулаком, при каждом ударе приговаривая. – Это тебе за угрозы, это за речку, это за насмешки...

От ударов голова Вячеслава моталась в разные стороны и полилась из носа кровь.

– Что же вы над мальцом издеваетесь? Совсем озверели, – из толпы народа вышел человек и попытался освободить Вячеслава от цепких рук державших его молодцов, но ему это не удалось. – Ты, Воист, несправедливо поступаешь. Слабых стал обижать. Смотри, Василь узнает – научит тебя уму-разуму.

– Ты, Сивояр, мне ещё угрожать вздумал! – взбесился Воист. – Да ещё каким-то сухоруким грозишь. А ну отведите и его в холодную вместе с этим наглецом.

Подбежали ещё крепкие мужики, скрутили Сивояра и бросили его и Вячеслава в подклеть. В подвале, вырытом под самым домом, было довольно прохладно. Маленькое оконце, находящееся над поверхностью земли, пропускало мало света, но можно было разглядеть, что на земляном полу стояли деревянные лари с зерном, на деревянных поддонах лежали мешки с овсом, а на крюках, вбитых в потолок висели копченые окорока.

Сивояр присел на мешки:

– Располагайся. Видишь, – он показал на окорока, – с голоду не помрём. Ты чего это так на Воиста-то?

Вячеслав утёр рукой остатки крови на лице и криво усмехнулся:

– А чего он! Там люди у хазар в полоне, а он...

– Нехорошо это. Он старше тебя, а старость надо уважать. Конечно, он не прав, но он старейшина в граде и за ним сила. Хочет он всех прибрать под свою руку в округе, да из-за своей нечестности не верят ему люди, вот он и бесится. А ты будь умнее, не будь ослом, придумай чего-нибудь...

– А что это за осёл такой?

– Осёл – это животное такое, как лошадь, но поменьше. Выносливое животное. Василь рассказывал, чтобы жернова крутить запрягают осла, а чтобы он безостановочно по кругу ходил, перед ним на верёвке морковку привязывают. Осёл видит морковку и тянется к ней. Так и ходит по кругу. Бездумная тварь. А ты думай...

– Я уж придумал, – Вячеслав ударил кулаком по мешку. – Послал двоих младших братьев по следу хазар. Обещал через два дня с воинами их догнать. А где они воины-то? И-эх! Мне бы выбраться отсюда побыстрее. Я их хоть догнал бы, а то пропадут они одни в степи.

– Младших, говоришь, послал? А старшие где? – озабоченно спросил Сивояр.

– Порубили хазары. Сфирько насмерть, а Станко ещё живой. Попросил тётку Зимаву помочь ему: она ведь всякие травы знает.

– А как же вы спаслись-то от них?

На миг у Вячеслава на лице появилось злое выражение:

– Убили мы их. Вначале троих, а потом ещё троих...

– Ну-ка, ну-ка, поподробнее давай, – Сивояр подсел поближе к Вячеславу, и Вячеслав начал рассказывать, как напали хазары, как горела деревня, как погиб Сфирько.

– А теперь вот, я не хочу, чтобы Житко и Путята в степи сгинули. Обязательно вдогонку за ними поскачу.

Сивояр решительно ударил ладонями по своим коленям:

– Василию надо сообщить. Он вызволит людей из полона. Долг у хазар перед ним.

– А что он сможет? Кузнец простой...

Сивояр улыбнулся:

– Он не простой кузнец. Это воин, каких ещё поискать. Не все об этом знают, потому что не видели его ни разу в бою. А я видел.

– Расскажи, дядько Сивояр, – заинтересованно попросил Вячеслав.

– Первый раз я видел, как он сражается, когда меня, твоего отца, Бажена и многих других из полона степняков вызволял. А ещё я несколько раз – когда мы с ним торговать ездили к лесным племенам. Это и буртасы, мери, мешера, мурома да и многие другие, которым я и названия не знаю. Забились в глухомань – некоторых сразу и не отыщешь. Раньше-то Василя отец Векши сопровождал. Знатный охотник был, а уж как не вернулся он с охоты, знать сгинул в лесу, так Василь меня стал брать. Знатные там места есть. Земли пустой завались. Можно дня два ехать и человека не встретишь. Лес зверем богат, в реке рыбы-ы!.. – Сивояр покачал головой. – Хоть руками лови. Трава там высокая – знать, земля там плодovitая. Засеять бы её зерном – вот урожай был бы!.. Рек там полно.

– Дядько Сивояр, ты расскажи, как он сражался...

– Вот я и говорю, рек там полно. Зимой, как они встанут, только по льду на санях и можно до этих племён добраться. А так в лесах – бурелом, не проедешь. Одни племена мирные, а другие и напасть могут, пока не поймут, что сила не за ними. У одного из племён есть обычай, что нельзя себе жену взять, пока врага не убьёшь. А некоторые просто пытаются ограбить. Однажды встретились с одними, а они давай стрелами нас забрасывать. Хорошо, что стрелы у них с костяными наконечниками. Я за сани спрятался, а у Василя броня – они от брони отскакивают. Потом ему это надоело, и давай он от стрел уворачиваться.

– А разве можно от стрелы увернуться?

– Ты слушай! Я тоже думал, что от стрелы не увернёшься, пока сам не увидел. А потом он несколько стрел просто поймал.

– Как поймал?

– Просто, рукой. Здесь даже я рот разинул. А лесные жители луки побросали и давай в ноги кланяться, а уж потом они поняли, что торговать-то выгоднее, чем воевать. Василь им и топоры, и ножи, и наконечники для стрел привозил, да и утварь различную, которая в хозяйстве пригодится, ну котелки там да сковороды. А взамен он за это меха брал. Уж больно у ромеев меха ценятся. Слух в этих племенах об этой зимней торговле так и разносился, и на следующий год уже больше людей торговать из лесов выходили. На реке Оке Василь даже свой лабаз построил. Нанял охранять одного охотника из племени мурома. Туда к ним и торговать приезжал. Это ещё до меня было. Когда я с ним туда первый раз попал, то там уже небольшой град был, тыном огороженный, да и дома появились. Мурома там селиться начала. А река, брат, я тебе скажу – красивая, но безлюдная. Целый день по льду едешь – никого не встретишь. Места там богатые...

– Дядько Сивояр, ты мне про то, как сражался дядько Василь...

– А-а, ну да... Принесли раз мурома нам на обмен меха дивные. Один – как лисий, но белый. И другой мех тоже весь белый, но шерсть густая со слоем подпуши. Шуба из такого меха необычайно теплая была бы. А ещё принесли одну шкуру медведя. Огромный медведь был, гораздо больше нашего бурого. И мех был тоже белый. Заинтересовался Василь и спрашивает, где, мол, такие звери водятся с белым мехом? А охотники отвечают, что у чуди выменяли. Оказывается, живёт такое племя туда дальше, на полночь. Засобирались Василь туда к ним, ну и я, конечно. Куда же он без меня. Ехали долго, аж за реку Волгу заехали. Отощали кони, обессилили, да как не обессилить, когда пожухлой травой из-под снега питались, да овса чуть-чуть. Берегли мы овёс на обратную дорогу. Морозы стояли жуткие, не чета нашим, да и снегу полно. Решили поворачивать обратно, а то бы домой до ледохода не успели бы. Повернули обратно и полдня не проехали, как повстречали ватагу, почти два десятка воинов в которой и которая шла по нашему следу. Напали они на нас. И вот я, Вячеслав, увидел по настоящему, что может такой воин, как Василь.

У Вячеслава от интересного рассказа широко раскрылись глаза, и он даже начал затаивать дыхание, чтобы не пропустить ни одного слова.

– Крикнул мне Василь, чтобы я не лез и не мешал ему, а сам на них набросился. Воины, которые на нас напали, широкоплечие, но ниже Василя на целую голову. Ничего они не могли с ним сделать. Он у них мечи выбивал, своим эфесом меча им морды разбивал, но не убивал. Отлетала эта чудь от него безоружная, но дальше в бой не вступала. Потом он мне сказал, что не хотел убивать, так как торговать с ними потом хотел. Раскидывал он так нападавших, пока ему не попался настоящий великан. На что Василь был высокий, а этот почти на целую голову выше его. Удары тот наносил страшные, но не владел мечом, как Василь. То ли устал Василь, то ли надоело ему сражаться, он взял и отрубил великану руку с мечом у локтя. Тут и сражение враз кончилось. Упала вся чудь на колени, наверное, пощады просила и признавала власть Василя над собой.

От холода погреба Вячеслав начал ёжится и вздрагивать плечами. Сивояр встал, нашёл пустой мешок и протянул Вячеславу:

– Накинь на себя – всё теплее будет, а то без рубашки-то застынешь. Так вот, – продолжил Сивояр, – привели они нас в своё селение. Дома у них – простые землянки, жердями укрытые, а поверх жердей – меха. В центре этой землянки огонь горит, а дым вверх уходит. У этого костра они и спят, и едят, и детей рожают. А великан этот кровью истёк и помер. Они его в дубовую колоду положили и руку отрубленную рядом. Эту дубовую колоду на верёвках к веткам здоровенного дуба привязали и так оставили. У них обычай такой. Как верёвки оборвутся от ветхости, так они потом эту колоду в землю закапывают. Чудно! Так потом нам эта чудь и объяснила, что за таким белым мехом очень далеко надо идти. Дней тридцать, али и того больше. Но мы договорились с ними, что они будут нам такой мех приносить.

– Как же вы их понимали-то?

– А их говор немного отличается от говора мешеры или той же муромы. Понятно болемене. Очень мы удивились, когда они принесли нам большие клыки. Говорят, что это моржовый зуб. Хорошо заплатил за этот зуб Василь. Обрадовалась чудь, и после этого, видя, что не обманывают их, принесли лесные жители клык большой. Здесь уж и Василь удивился. Спрашивает у них, мол, откуда он у них? А они невнятно бормочут, руками в разные стороны показывают, а толком так и не сказали. Уж потом мне Василь рассказал, что такие клыки бивнями зовутся и бывают у больших зверей, которые живут там, где зимы не бывает, и зовутся эти звери слонами. И этот бивень, оказывается, гораздо больше, чем у слонов. Так-то.

– А как это, где зимы не бывает? Разве есть такие места?

– Василь говорил, что есть. Много дорог я с ним протоптал, разного народа повидал, а вот к полянам он меня никогда не брал.

– А зачем он к полянам ездил?

– Как зачем? Мы к концу зимы домой возвращались, много шкур звериных, кость эту моржовую привозили. Он с этим товаром потом перед самым половодьем к полянам и подавался. Знакомые, говорит, там у него были. Да в самое половодье ладьи ромейские с торговыми людьми приплывали. Вот им Василь меха и продавал. Всё друга ромейского ждал там. Его друг-ромей раньше на ладье к полянам приплывал торговать, но не встретил Василь друга-то. Через несколько лет Василь узнал, что на ладью друга в море сарацины напали, ограбили и убили его с командой. Вот как бывает. Много серебра и злата получал у ромеев Василь. Ценятся у них меха да кость моржовая. Да ещё Василь продавал то, что сам делал: кубки и блюда серебряные, выкованные им кинжалы с ручками из кости. Выгодная торговля у полян была. Много ромеев приплывало к ним. А как хазары войско полян побили, власть свою над ними установили, так ромеев стало меньше приплывать. А чего приплывать, если хазары начали подати собирать за то, что торгуешь. В один из градов полян на берегу реки Славутич поселили этих сборщиков податей. А называли этот град хазары Куяб. Название какое-то чудное, как собака гавкает.

– А почему ты думаешь, что у него получится из полона всех освободить?

– Вот степняки рассказывают, что есть в степи богатырь, который злых наказывает, а бедным и обиженным помогает. Они называют его Кара-батыр.

– Чёрный богатырь?

– Да, Чёрный богатырь. Уж больно его хазары боятся. Говорят, побил он их много. Так вот, думаю, что Василь не хуже этого Кара-батыра будет. А ещё много знакомых в степи у него, которые готовы ему помочь. Ведь это рядом с нами из-за этих войн с хазарами степь незаселённая стала, а если дней пять-шесть проехать вглубь, то можно встретить кочующих степняков. Мы с Василём дней через тридцать в степь собирались торговать, а здесь, видишь, что приключилось!

– Вы и со степняками торговали?

– А как же! В степи много болгар осталось, которые не ушли с остальными ни к Большому Камню, ни туда, где заходит солнце. Теперь хазары над ними хозяева. Как жара наступает, они сюда ближе к нам перебираются, где трава сочнее. Мы к ним торговать и ездили. С добром они Василя встречают. Помнят, что он был другом известного всем болгарам Важдая, погибшего в битве с хазарами. Тогда у Василя и жена с сыном погибла. Не может он этого им простить. Мы когда в степь торговать едем, обязательно на место их гибели заезжаем, а уж потом и к беленджирам.

– Так беленджиры же вместе с хазарами!

– Ну и что. Вон болгары тоже теперь вместе.

Вячеслав понятиливо покачал головой.

– А вот с хазарами Василь не торговал. Хотел ещё к савирам съездить, да больно далеко они теперь кочуют. Побратался однажды Василь с сыном кагана, или как они называют хана савиров. Так что много у него в степи знакомых и многие его знают. А вот ещё...

Договорить Сивояру не дал громкий крик во дворе:

– Эй, Воист! Выйди, поговорить надо!

– А вот и Василь, – Сивояр прильнул к оконцу под самым потолком, а за ним и Вячеслав.

Посреди двора, озаряемый лучами солнца, стоял высокий широкоплечий мужик лет сорока с окладистой бородой. Левое плечо у него было чуть ниже правого, и левая рука от этого казалась чуть длиннее. Весь его вид выражал спокойствие и уверенность. В воротах двора, стояли люди, наблюдая за происходящим. Среди них Вячеслав разглядел Векшу.

– Зачем пожаловал? – раздался голос Воиста. – Раньше тебе моя помощь была не нужна.

– Я не за помощью. Ты, Воист, несправедным делом занимаешься. Ты людей в темницу бросил, как рабов. А мы все свободные люди. Или ты думаешь, что стал каганом и властен над северянами?

– Никого я в темнице не держу.

– А люди говорят, – Василь показал в сторону ворот, – что ты Сивояра и Вячеслава в темнице держишь.

– Да какие же это люди?! Это неслухи, которых я учу уму-разуму. Зачем они тебе?

– Да вот хочу с Сивояром хазар догнать и спросить их о том, как они нашли путь в наши края.

– Не тебе об этом заботу вести. Иди прочь со двора!

Василь усмехнулся:

– У тебя, Воист, уже куча седых волос на голове и в бороде, а я вижу, что ты ума сам не набрался. По-хорошему прошу, отпусти.

– А то что?

– А то мне придётся всех вас тут учить разуму. Убить не убью, но вразумить вразумлю.

– Ты меня уму-разуму учить вздумал? – зарычал Воист. – А ну, молодцы, заприте его вместе с неслухами.

Четыре дюжих молодца, ухмыляясь и предвкушая быструю победу, медленно начали спускаться с крыльца.

– Ну что ж, – Василь повернулся к воротам. – Векша, кинь мне свой кнут.

Векша бросил древко кнута в сторону Василя, который на лету его поймал и начал им стегать нахальных молодцов, загоняя их опять на крыльцо. От ударов кнута рвались рубахи, и на них проступала кровь. Воины Воиста после удара кнута изгибались от боли и бегом неслись под крышу дома. Наконец двор опустел. Перед крыльцом остался один Василь с кнутом в руке:

– А я всё думал: почему ты со своими воинами, когда хазары нападают, всё время в граде отсиживаешься? Оказывается, что они воевать просто не умеют. Ты, Воист, их бы лучше сражаться научил, чем над мирными жителями измываться.

Василь открыл дверь темницы:

– Выходите, не время сейчас под запором сидеть.

Вячеслав направился к крыльцу и взглядом нашёл Болерада:

– Нож верни!

Сверху к самым ногам Вячеслава упал нож. Он его поднял и подошёл к Векше:

– Житко с Путьтой ускакали?

Векша молча кивнул головой. Подошедший Василь взял их за плечи:

– Пойдём отсюда. Не место здесь разговаривать.

Воист, крепко сжав губы и двигая желваками, со злобой смотрел с крыльца на уходящих, а из-за его спины испуганно выглядывал Слободан.

– Что делать-то будем? А ну-ка он у хазар действительно узнает, как они к нам путь нашли?

– Ду-урень! Куда ему против хазар-то! Ну сунется он к ним, и чего? Их сколько – побьют его. А вы тоже хороши! – гаркнул он на почесывающих свои спины после ударов кнутом молодцов. – Справиться с одним не смогли. Вам бы только жрать – вон какие ряхи наели! – Воист вошёл в дом, в сердцах громко захлопнув за собой дверь.

– Не знаю, не знаю: побьют ли?.. – забормотал Слободан, а затем быстро засеменил в свою каморку.

В комнате на огромной перине в одной нижней рубашке лежала толстозадая супруга.

– Ты всё спишь? Вставай, поможешь.

– Поела я чуток, и меня чего-то прямо в дрёму кинуло, – она томно потянулась. – Приляг со мной, что ли!

– Я говорю: не время! Собираться надо. Всё, уезжаем отсюда.

– Куда ехать-то? – жалостливо заскулила супруга. – Жизнь сытная, спокойная... И всё бросать?

– Дура-баба! Я говорю: кончилась спокойная жизнь. Головы могу лишиться. Василь к хазарам поехал. А ну-ка узнает, как хазары сюда проникли!

– А может хазары его побьют?

– А может... – передразнил Слободан жену. – Я его еще отроком помню. Он тогда на моих глазах боярина моего убил и дружину всю его стрелами уложил. Я сам еле ноги спас. Так что, конец моей голове. А если ещё и Воист узнает, что я только часть денег хазарам передал, – вообще мне не жить. Так что давай собирайся – до рассвета надо уехать.

– Куда ехать-то? – опять жалобно простонала супруга.

– Опять к полянам подадимся. Там теперь хазары правят. А с хазарами я договорюсь...

– А может там детишек заведём? Спокойной жизни хочется.

– Рожай, кто тебе мешает? С тем серебром, что я накопил за эти годы, можно и боярином стать, и жить припеваючи.

Глава 4

– Ты чего такой смурной? – спросил Сивояр Василя, как только они вышли из ворот града.

– Агапе домой не вернулась. Думал, что в граде задержалась, да не нашёл её здесь.

– Нечего здесь её искать, – угрюмо поведал Вячеслав. – У хазар она, и Млада тоже. Спасать их надо, дядько Василь! Всех надо! Я Житко и Путяте обещал через два дня догнать их с воинами, да где ж их теперь взять?

– С такими воинами как у Воиста сам в полон попадёшь, – скривился Сивояр.

– Так что же делать, дядько Василь? Пропадут они вдвоём. Да и полон тоже...

– А ты о чём думал, когда их вдвоём посылал? – спокойно спросил Василь.

– О том, чтобы следы хазар не потерять.

– Это правильно. А дальше?

– А дальше скорей воинов собрать и полон отбить.

– И всё? – улыбнулся Василь.

– А о чём ещё?... – недоумённо спросил Вячеслав.

– Обо всём надо думать. Даже о том, как может поступить враг.

– Пока мы думать будем, хазары всё дальше и дальше от нас становятся.

– Может быть, это даже к лучшему.

– Как это – к лучшему? – растерялся Вячеслав.

– Вот ты мне скажи: сколько дней могут продержаться одни Житко и Путята?

– Да сколько хочешь, если на хазар не нарвутся. В реке рыбу поймают, лук есть – дичь подстрелят.

– Значит, о них пока можно не беспокоиться. А вот будь ты на месте хазар, то ожидал бы погони?

Вячеслав молча кивнул головой, не понимая нить рассуждений Василя.

– Первые дня два обязательно опасался бы, а потом успокоился бы, а на пятый бы день и расслабился. А тут и мы как раз...

– Кто это – мы?

– Я, ты. Сивояр, ты со мной?

– Разве я тебя одного отпущу!

– И я! – вскинул голову Векша.

– Вот видишь – нас уже четверо.

– Я видел – хазар много. А может их десятков пять?

– Вот ты представь, Вячеслав. Набрали бы мы воинов человек сто и догнали бы хазар. Одолели бы мы их?

– Конечно одолели бы.

– А могли бы хазары, увидев, что нас больше, порубить полон? То-то же. Думай, думай всегда, что бы ни случилось, и как бы ни тяжелы были обстоятельства.

– Дядько Сивояр тоже говорит, что думать надо всегда. Страшно мне. Вернее не то, что мне страшно, – поправился Вячеслав, – а то, что сомневаюсь я, что удастся освободить полон. Ведь хазар много...

– Как говорил один из моих учителей: для человека, который скачет на спине льва, – самое страшное остановиться.

– А кто это – лев?

– Да такая большая дикая кошка ростом с медведя. А вот насчёт твоего страха или сомнения я расскажу одну историю. У древних греков было сказание об одном богатыре Антее, которого никто не мог одолеть. И вот нашёлся один богатырь, которого звали Геракл, который понял, что силы Антею даёт земля-матушка. Приподнял Геракл Антея над землей, так и ослаб враз Антей. Так и мы постараемся выбить землю из-под ног хазар.

– Как это?

– Пока не знаю, но, думаю, придумаем чего-нибудь. Не всегда человек знает, на что способен. Вот ты, Вячеслав, убил двоих хазар. А знаешь, что это воины из бессмертной тысячи самого кагана?

– Дядька Василь, а ты как об этом узнал?

– Хазарин один рассказал, – усмехнулся Василь.

– Какой хазарин?

– Мы с дядькой Василём Святозара и Сфирько пришли забирать, а там четверо хазар. – пояснил Векша. – Двоих дядька Василь из лука подстрелил, а остальные двое ускакали. Один раненый оказался. Он нам и рассказал.

– А сейчас он где?

– Да что же ты думаешь, – опять усмехнулся Василь, – я его всё время с собой таскать буду? Как говорили латины: «горе побеждённым».

– Значит, на двоих хазар стало меньше? – воодушевился Вячеслав.

– Война легка только для зрителей, – вздохнул Василь. – Конечно, самая лучшая битва – это та, которую ты выиграл, не сражаясь. Но не всегда так бывает. Большинство битв выигрывают те, у кого есть цели, за которые они готовы сложить свои головы. Какие цели у хазар? Награбить, взять в полон, мошну свою набить серебром. Смогли бы они броситься в бой как Вячеслав? Вряд ли. А почему?

– Родичи потому что, – ответил Векша.

– Вот я об этом и говорю.

– Так что делать будем, Василь? – промолвил до сих пор молчавший Сивояр.

– Я не думаю, что они полон поведут к сарацинам или в Итиль, – больно долго и хлопотно. Скорее всего – в Сурож или Корсунь. В этих городах самый большой торг рабов. В любом случае они Звериного брода не минуют, а там мы их и встретим. У тебя ладьа на ходу?

– Всё уж готово, – вальяжно проговорил Сивояр. – И проконопачена, и просмолена, и парус починил.

– А как же кони? Ведь в степи без коней никак... – Вячеслав знал ответ на свой вопрос, но спросил просто так, желая ответом Василя подтвердить свои мысли.

– Хазарские возьмём. В волчьей стае надо быть волком, а кто им не станет, того волки загрызут, – в ответе Василя сквозила такая уверенность, что Вячеслав уже не сомневался, что всё будет так, как он говорит.

– Ты, Сивояр, после тризны подгони ладьу к оврагу, что выходит к реке напротив моего дома, – продолжил Василь. – Да старайся, чтобы не видели тебя. Ни к чему это.

– О чём это он? – Вячеслав толкнул локтем друга. – Какая тризна? У нас всё сгорело.

– Мужики из града пришли помогать убиенных собрать, да брёвен приготовить для костра. От них и узнали, что ты в темнице с дядькой Сивояром. А для стравы дядька Василь кабанчика дал. Мужики уже, наверное, приготовили всё.

Векша был прав. На поляне недалеко от землянки, в которой спал опоенный травами и перевязанный Зимавой Станко, на сложенных брёвнах, обложенных хворостом, лежали все погибшие от хазар жители деревни. Большинство из них были родичи Вячеслава. Несколько выживших детей, успевших скрыться в лесу, сиротливо прижимались к взрослым, которых было совсем немного. В основном это были мужики из града, да несколько человек из дальних деревень, до которых не добрались хазары.

Сивояр подтолкнул Вячеслава к кострищу:

– Поджигай, Вячеслав! Станко немощный, а после него из мужчин сейчас самый старший в роду – это ты. Тебе и поджигать.

Оказывается, все ждали его. Руки родичей принимают на свет рождающегося младенца, руки родичей должны отправить к богам и покинувших этот свет. Эти невидимые кровные узы

крепко-накрепко привязывают между собой людей в роду, делая каждого из них ответственным за жизнь и смерть близких.

Вячеславу стало горько в груди. Он представил, что зажжённый им огонь унесёт в небо всех убитых из рода его деда Голуба, а также из прибившихся к их роду и живших вместе с ними жителей деревни. И никогда он больше не увидит ни свою мать, ни Сфирько, ни мужа Жилены Святозара, ни других погибших. От этого горестного волнения у него проступили слёзы и, он никак не мог выбить искру кресалом. Наконец искра попала на сухой мох и не потухла. Вячеслав нагнулся и осторожно подул, подкладывая кусочки бересты. Появился маленький дымок, а затем и огонь. Загорелись тонкие ветки, а затем и толстые ветви хвороста, которым были обложены брёвна. Огонь разгорался и поднимался всё выше и выше. Вовсю занялись смолистые брёвна, и в небо устремился чёрный дым.

Вячеслав смотрел на разгорающийся костёр и понимал, что не вернёшь уже то время, когда за него всегда всё решали старшие. Неизвестно – выживет ли Станко? А пока он – глава этого разгромленного хазарами рода у этого разгорающегося костра дал слово не лить слёз, как бы ни сложилась судьба.

Толчок в плечо вывел его из забытья. Рядом стоял Векша и протягивал ему чашу и кусок запечёного кабаньего мяса. Вячеслав машинально отхлебнул из чаши и передал её дальше. Вкус был кисло-сладкий и мало напоминал медок.

– Что это?

– Это вино ромейское. Дядько Василь принёс. Ешь давай, да и пойдём. Здесь и без нас всё закончат. Дядько Сивояр уже за ладьёй ушёл.

Солнце клонилось к горизонту, когда Василь с отроками отворил дверь в заборе, окружающий его дом. Здоровенный волк как шаловливый щенок обрадованно закрутился возле Василя. Выждав момент, лизнул хозяина в щёку, положив передние лапы ему на грудь. На вошедшего следом Векшу он не обратил внимания, а на Вячеслава сердито заурчал.

– Уймись, Серко, – Василь сделал знак отрокам остаться, а сам зашёл в дом.

Через мгновение из дома, прихрамывая, выбежала встревоженная Зимава, а за ней и Иоанн.

– Вятко, это правда, что хазары Агапе в полон взяли? – Зимава не могла сдержать дрожи в голосе. – Ты сам видел?

– Я видел следы на земле и её корзину, с которой она шла в град. Её полонили и Младу.

– Отец, я с тобой! – Иоанн повернулся к вышедшему из дома Василю.

– На кого мать оставишь? – сурово спросил Василь. – Один ты за мужика в доме остаёшься. А ты, мать, слёзы не лей, – обратился он к Зимаве. – Дочь в полоне не оставляю. Если не отобьём, то выкуплю. А если надо будет, то и к ромеям вернусь. Там, в моём доме много золота спрятано, всех выкуплю.

– Нельзя же тебе к ромеям! – Зимава приложила руку к груди. – Ищут же тебя там. Найдут – голову снесут.

– Что им моя голова? Сколько лет прошло! Уже и забыли, наверное, а может и не искали совсем. А Агапе спасу, и детей Бажена и Древана в обиду не дам. Вот это всё, – Василь обвёл кругом руками, – они мне помогали строить. И если я не позабочусь, то кто? Конечно, людей хороших много – земля всегда сирот подымет. Но, понимаешь, это должен сделать я.

Зимава всхлипнула:

– Ну вот, всегда ты у меня такой...

Василь обнял Зимаву:

– Что ты, что ты? Я ж не впервой уезжаю. И Сивояр со мной. Перестань.

Зимава всхлипнула:

– Ты воин, а там Агапе – дитё.

– Ничего, молиться будет – Бог в обиду не даст.

Василь повернулся к Вячеславу и Векше:

– Пойдёмте, подберёте себе что-нибудь.

Он подвёл их к отдельно стоящей избушке и открыл дверь: все стены были увешаны различным оружием, причём некоторое оружие было богато украшено. Такого количества мечей, булав и кинжалов Вячеслав ещё не видел. От восторга он оглянулся на Векшу: тот стоял спокойно, видно это ему было не в диковинку.

– Переодевайтесь! Вам в этом в степи будет удобнее, – Василь бросил им к ногам два набитых одеждой мешка и вышел.

Векша достал из мешка кожаные штаны и такую же рубашку, а затем и сапоги:

– Чего стоишь? Переодевайся. Дядько Василь знает, что говорит. Он не первый раз в степи...

– Мне дядько Сивояр рассказывал, – вздохнул Вячеслав.

Переодевшись, Вячеслав опять начал разглядывать оружие:

– Векша, ты себе какой меч возьмешь?

– У меня есть кнут, а мечом надо уметь владеть. Лук возьму да кинжал.

– А я тоже, пожалуй, лук со стрелами возьму. Мой дед Голуб луки хорошо мастерил. А я так хорошо пока не могу. Но стрельнуть – стрельну. Да ещё пару ножей прихвачу, – Вячеслав выбрал два подходящих ему ножа и засунул себе в сапоги.

К вышедшим из избушки отрокам подбежал Серко и обнюхал. Вячеслав с опаской косился на него, но волк не проявлял никакой злобы.

– Ха, вам бы ещё косички – вылитые степняки были бы, – заметил Иоанн.

Рядом стоял Василь с мечом на поясе с лежащими на земле тремя большими тюками:

– Вот для каждого приготовил.

– Что здесь, дядько Василь?

– Не на прогулку идём. В походе всё пригодится: подстилка, чтоб не на голой земле спать, еда и ещё всякая всячина. Мало ли что... Иоанн, – позвал он сына, – ты снеси ещё запас стрел к ладье.

Тюк был не тяжёлый, но из-за большого размера нести его было неудобно: ветки так и норовили зацепиться за него. Из-за этого Вячеславу приходилось то и дело поправлять его на спине. Сзади пыхтел Векша, а впереди с неразлучным волком, который ни на шаг не отходил от хозяина, шёл Василь, и не заметно было, что он несет свою ношу с какой-то натугой.

На берегу около ладьи их ждал Сивояр. Ладья могла вместить человек до пятнадцати и управлялась двумя парами вёсел, но при необходимости на ней устанавливался и парус.

– Векша, Вячеслав, вы на носу размещайтесь, там парус свёрнут – всё вам помягче будет, – сказал Сивояр, размещая тюки в ладье.

Следом за отроками в ладью влез и Василь. На берегу рядом с Иоанном жалобно заскулил Серко, расставаясь с хозяином.

– Серко, иди ко мне! – крикнул Василь, и волк в одно мгновение оказался в ладье, прижавшись к его ногам.

Сивояр, бредя по колена в воде, столкнул ладью с мели и запрыгнул в неё:

– Отдыхайте, ладья по течению сама поплывёт. Мне только и остаётся, чтобы на струе она была всегда.

Ладья начала удаляться от Иоанна, и его маленькая фигура долго махала им вслед, пока не скрылась в наступающих сумерках за поворотом реки.

* * *

Житко проснулся от холода. Рубашка на нём от росы была влажная, а лошадиная попона, которой они с Путяттой накрывались на ночь, была тем же Путяттой с него стянута. Костёр, который они развели в небольшой низинке, окружённой густыми кустами, не потух, а продолжал гореть, и хотя от влажной рубашки грудь замерзала, то ногам от костра было жарко.

Посторонний звук заставил Житко поднять голову. У костра, общипывая большого тетерева, сидел смуглый от загара и с почти что белыми, выгоревшими на солнце волосами парень.

– Проснулся? Сейчас птицу запечём – чем не еда? Подстрелил вот с утра.

– Трегуб, это ты что ли?

– А то кто же! – довольный Трегуб продолжал выдёргивать перья из птицы. – Трудно мне пришлось, пока я вас выследил. Больно осторожно вы передвигаетесь, поэтому и мало следов оставляете. Но от меня скрыться нельзя: я в деревне – лучший охотник.

Трудно было узнать в этом сидящем у костра парне того, кто им встретился вчера. А вчера, осторожно двигаясь по следам хазар, на окраине одной из лесных полян Житко придержал лошадь Путяты:

– Подожди! Слышишь?

– Что?

– Сорока трещала.

Житко и Путята, сидя на лошадях, смотрели из-за кустов на небольшую полянку, которую пересекала широкая полоса утоптанной травы.

– Может хазары в засаде?

– Если бы хазары сидели, то сорока долго бы стрекотала.

– Может зверь какой?

– Может, а поостеречься не мешало бы. Ты заметил, Путята, что хазары полон ведут очень странно: они все засеки заранее обходят и ни разу они в них не упирались. Вот и сейчас Паучью засеку слева обходят. А за засекой леса уже не такие густые.

– Житко, мы уж версты полторы проскакали от последней метки. Не пора ли новую ставить?

– Пожалуй пора.

Путята спрыгнул с лошади и срезал толстую ветку. Он ножом отсёк все веточки, кроме одной, у которой обрезал только верхушку. Получилось что-то в виде крючка. Затем быстро счистил кору и полоской гибкой коры, выбежав на поляну, привязал очищенную палку к ветке дерева. Белая, висящая на дереве, она ярко выделялась на фоне зеленой листвы.

– Эй, постой!

Путята оглянулся: к нему из кустов шло что-то грязное. Рубаха и штаны были черны от грязи, грязь была на волосах и лице.

– Житко, леший! Чур меня, чур! – Путята бросился к своей лошади.

– Да не леший я, подожди! Я от хазар убёг.

Житко выехал из кустов:

– Ты кто?

– Трегуб я. Из полона я.

– А чего грязный такой?

На грязном лице появились белые зубы – видно это была улыбка:

– Так хазары за мной погнались, а там болото. Я в лужу с грязью бултыхнулся и замер, а они – дурни в трясину полезли. Один из них чуть не утонул. Так и не нашли меня.

– Ты бы грязь смыл бы.

– Смою, как лужу найду. А вы кто?

– Я Путята, а это, – Путята показал на Житко, – мой брат Житко.

– Житко? Значит правду говорил Единец, что братья их спасут. Он ещё говорил, что ты хорошо из лука стреляешь.

– Ты Единца у хазар видел? Откуда ты его знаешь? И кто там ещё? – заинтересовался Житко.

– Да кого там узнаешь! Из нашей деревни были люди, да разбросали связанными по разным телегам. В одной телеге мы с Единцом были, и с Младой. И еще там была одна острогла-

зенькая с ними. Всё грозила хазарам, что её отец всех их перебьёт. Глупая, но отчаянная. Это она мне верёвки перегрызла.

Житко с Путяткой переглянулись.

– Значит Младу и Агапе хазары поймали, – вздохнул Житко. – А ты куда теперь?

– Да куда я... Вот домой пробирался. А где дом-то? Всех побили да пожгли хазары дом-то. А где Станко и Сфирько? Эта ваша Агапа говорила, что они сильные, и что они спасут всех.

– Агапе, а не Агапа, – поправил Житко.

– Ну, нехай так.

– Убили Сфирько хазары, а Станко порубленный лежит. Не знаю, выживет ли?

– Ага, значит, не будет помощи, – промолвил Трегуб.

– А мы зачем здесь? – вскинулся Путята.

– Да что вы сможете? Я прикинул – их больше трёх десятков.

– Мы путь хазар отмечаем метками, а по этим меткам воины хазар и догонят, – пояснил Житко.

– Вячеслав сказал, что через два дня догонят, – добавил Путята.

– У вас еды нет? А то живот так от голода подвело, что бурчит.

Житко достал печёную рыбу и протянул Трегубу. Трегуб жадно начал отрывать грязными руками куски рыбы и засовывать себе между таких же грязных губ:

– Вы долго на жару её не храните, а то пропадёт. А кто такой Вячеслав?

– Брат наш, старший после Станко. Чуть помладше тебя будет.

Трегуб перестал жевать:

– А-а, это тот Вятко, который ножи хорошо бросает! А где ж он воинов-то возьмёт? Кто за ним молодым таким пойдёт-то?

– Молодой-то он молодой, – гордо вздёрнул головой Житко, – да на наших глазах двоих хазаринов заколол ножом. Он-то и Станко этим спас, а то бы и его зарубили хазары.

– Прямо двоих? – недоверчиво переспросил Трегуб.

– Двоих, двоих, – подтвердил Путята.

Трегуб насторожился:

– Слышите?

Вдалеке послышался приближающий топот копыт. Отроки увели лошадей в кусты.

– Дай-ка мне, – Трегуб потянул из рук Путяты лук. – Я в своей деревне лучшим охотником был. Белке в глаз только так попадал...

Сквозь листву они увидели скачущего хазарина. Едва он проскакал мимо них, Трегуб выскочил из кустов и пустил вдогонку хазарину стрелу, а вслед за ним и Житко. Стрела Трегуба попала хазарину в поясницу. Видно было, как вздрогнул хазарин, и тут же стрела Житко попала ему между лопаток. Тело хазарина съехало с седла, и его конь, протаскивая его, запутавшегося в стремени, по траве, скрылся за поворотом.

Трегуб сунул лук в руки Путяты и побежал догонять коня хазарина.

– Брехло он. «Лучший охотник», – передразнил Путята. – Если бы не ты, то ускакал бы хазарин. А теперь, если Трегуб коня поймает, то до вечера может до дома доскакать. Поехали, хазары ждать не станут.

И вот теперь отмытый от грязи Трегуб сидел рядом с ними и ошипывал тетерева. Житко толкнул Путяту:

– Вставай, Трегуб появился.

Путята поднялся и спросонья, потирая глаза, удивлённо произнёс:

– Трегу-уб! Ты откуда здесь взялся?

– Оттуда, – в тон Путяте ответил Трегуб. – А вы чего это спите без осторожности, а? А вдруг хазары наехали бы, а не я?

– Так хазары-то далече, – ответил Путята. – Трегуб, а ты куда теперь поскачешь?

– Вот птицу запечём, поедим, и я с вами останусь. Втроём-то легче хазар выслеживать.

– Если ты выслеживаешь так же, как и стреляешь... – усмехнулся Житко.

– А что, видели, как я хазарину между лопаток попал?

– Да-а? – удивился Житко. – А я думал, что я.

– Ну ты, – покладисто согласился Трегуб. – Но я в него ведь тоже попал, и вас я нашёл. А насчет хазар ты, Путята, не прав. Стан у них в поле за Паучьей засекой. А у самой засеки в лесочке хазары засаду устроили.

– А ты откуда знаешь? – заинтересовался Путята.

– Так видел я ночью огни стана. А на засаду хазарскую случайно наткнулся. Вначале подумал, что это вы костёр разожгли. А как понял, что это хазары, так сразу дёру дал. Вот корю себя, что не удержался и стрелу пустил. Охнул там кто-то, может – попал. Теперь хазары будут думать, что за ними идут по их следу. Осторожней теперь надо, и в следующую ночь лучше к ним не приближаться.

– Значит, будем осторожней, – вздохнул Житко. – А завтра должны уже и воины нас догнать.

Глава 5

Агапе сидела на войлоке рядом со спящим Единцом, и её время от времени пробирала дрожь, но это было не от холода. Агапе было страшно. Весь день она бодрилась, вселяя в себе уверенность, что их скоро освободят, но уже проходит ночь, а отца всё нет. Ей стало страшно, как стемнело. Подошёл Куреп, грубо схватил Младу за косу и утащил к себе в шатёр, а соседний хазары привели Агапе с прижавшимся к ней от испуга Единцом.

Она ожидала, что с наступлением темноты вот-вот раздастся шум битвы, и войско северян нападёт на хазар, но кругом было тихо, и только из соседнего шатра раздавались крики, стоны и плач Млады. Когда всё стихло, Агапе осторожно выглянула из шатра. Рядом с шатрами два воина сидели у тлеющего костра и изредка подбрасывали в него сучья, после чего костёр ярко вспыхивал, а затем опять продолжал искрить прогорающими углями. Невдалеке горели такие же тусклые костры, и только из-за горизонта долетали яркие всполохи зарниц.

Агапе опять села рядом с Единцом и стала ждать рассвета. Спать совершенно не хотелось. Под утро прискакали какие-то всадники, и в стане хазар началось движение. Занавеска входа шатра откинулась и хазарин грубо схватил за руки Агапе и Единца и подтащил их к повозке. Их уже не связывали. К ним подошла Млада. На лице у неё был кровоподтёк, а руки и шея были в синяках.

– Больно, Млада? – Единец осторожно дотронулся до синяка на шее.

Сестра не ответила, а уткнувшись в ладони, горько зарыдала. Агапе обняла её за голову и прижала к своей груди:

– Поплачь, поплачь – всё полегче будет. Главное – мы живы. Скоро нас освободят и всё закончится.

Млада отстранилась от Агапе и вытерла слёзы:

– После всего, что было ночью, мне уж всё равно. Жить не хочется. Был бы нож – и этого гада убила бы и себя. Да и не верится мне, что выручат нас.

– А ты верь! Мой отец рассказывал, что он и твоего отца Древана, и дядю твоего Бажена, первую жену свою, да и многих других из полона спасал. И нас спасёт, а северяне ему помогут.

– Да где ж они, северяне-то? – простонала Млада.

Стан хазар быстро сворачивался. Хазары суетливо бегали, сворачивали шатры, тушили костры и запрягали коней. К шатру Курепа подвели двух коней, между которых, как в люльке, лежал раненый воин.

– Млада, посмотри туда! – Агапе указала на лежащего хазарина. – Как думаешь: кто его так? А может северяне не так уж и далеко? А иначе чего они так замельтешили?

– Хорошо бы, – вздохнула Млада.

Куреп вышел из шатра. Он был недоволен. Молодая славянка ночью не отвечала на его желания и была намного хуже его наложниц. Не было сладострастия от поцелуев. Он впивался в её влажные губы, но поцелуи не были сладкими, как ожидал он, а какими-то пресными. Да и не целовала она его, а старалась отвернуться от его губ. Если бы она сопротивлялась, но была безразлична, и Куреп чувствовал, что девчонка ждала, чтобы всё скорей закончилось. И от того, что она безразлична ко всему, он ещё крепче сжимал её хрупкое тело и руки, кусал её за шею и за губы. Да ещё эта весть о раненом воине, стоны которого тоже раздражали Курепа.

Разъярённый всем этим, он смотрел на стоявшего перед ним Бураша:

– Что случилось? Почему он стонет?

– Караману стрела попала в живот.

– Какая стрела? Что ты несёшь?.. – зарычал Куреп. – Я вас направил охранять пути подхода со стороны славян, чтобы мы не прозевали возможной погони с их стороны. И что я слышу? Что прилетела стрела и попала Караману в живот! Она сама прилетела? Для чего вы там были, а? Как вы могли проспать врагов?

И уже тихо и зловеще произнёс:

– А может – вы действительно там спали?

Бураш, предчувствуя нехорошее для себя, начал оправдываться:

– Но он прискакал со стороны нашего стана. Мы думали, что кто-то скачет к нам с какой-то вестью. А в темноте было не разглядеть.

– Так сколько их было?

– Один.

– И ты хочешь сказать, что этот, кто попал в темноте в Карамана, объезжал ночью место, где мы безмятежно спали?

Этот вывод озадачил Курепа. Один воин в погоню не пойдёт. Выходит, что это был лазутчик. А если есть лазутчик, то может быть и дружина славян. А это значит, что они могут попытаться отбить полон, и тогда его не продашь, и не будет у Курепа денег, тем более не удастся получить выкуп за эту славянскую кошку. Куреп взглянул в её сторону: сто золотых монет на земле не валяются. Надо срочно уходить дальше в степь. Так далеко славяне не сунутся. Опять раздались стоны Карамана.

– Как он? – Куреп взглянул в сторону раненого. – Выживет?

Бураш отрицательно покачал головой:

– Вряд ли.

– Значит, не жилец. Отвези его и ... – Куреп многозначительно поглядел на Бураша. – Чтоб не мучался.

Подожёл хмурый Олу-Ата:

– Чего так рано поднялись? Что за суета?

– Ночью славяне вокруг нашего стана шастали. Одного воина стрелой подбили. Надо подальше в степь уйти от этих лесов и перелесков, где в каждом из них можно спрятаться и устроить засаду. В степи славяне не воины.

Олу-Ата удручённо покачал головой:

– Не нравится мне всё это. Эти северяне могут больно кусаться. Трудно нам будет с ними в будущем, а сегодня жди нападения. Если днём будет тихо, то нападут ночью. Пусть твои воины ночью не спят, а то могут не проснуться.

– А твои?..

– Я покидаю тебя. Я не могу рисковать своими воинами из-за твоего полона.

Олу-Ата повернулся и пошёл прочь. У Курепа заходили желваки на скулах. Сквозь зубы он тихо процедил:

– Трус.

Как можно бояться этих славян, когда они разбегаются по своим лесам при появлении хазар? А как же тогда погибшие воины Олу-Ата из непобедимой тысячи? У Курепа пробежал холодок по спине. Ему показалось, что из ближайшего леса на него смотрят тысячи глаз и направлены в него сотни стрел.

– Куреп! – за спиной стоял Бураш. – Карамана больше нет.

– Почему мы до сих пор не тронулись в путь? Почему мы стоим? – округлив глаза, заорал Куреп.

Таким злым Бураш не видел его давно. Он вскочил на своего коня и поскакал подгонять людей, лишь бы поскорей убраться с глаз Курепа.

Млада с ненавистью смотрела за всеми действиями хазар, а потом с сожалением произнесла:

– А может мы зря отказались от побега, а?

– Ты что, Млада? Поймали бы – убили бы, – возразил ей Единец.

– Так надо ещё поймать. А по мне – лучше уж смерть, чем с этим... Ночью...

* * *

– И-и-и, хлоп. И-и-и, хлоп.

Вячеслав открыл глаза. Солнце уже появилось над горизонтом, и было уже светло. Часто дышащая и мокрая от слюней морда Серко, обнюхивая, уткнулась ему в лицо. Вячеслав отвернулся от волка, и Серко от него отстал.

– И-и-и, хлоп. И-и-и, хлоп.

Вячеслав приподнял голову. На лавке в середине ладьи спиной к нему сидели Сивояр и Василь и размеренно гребли вёслами. Вячеслав посетовал на себя: что же он сразу не распознал этот скрип уключин. Он хотел уже подняться, но слова Сивояра заставили замереть:

– Я вот думаю, а может мы зря взяли с собой отроков? Что ждёт нас в пути? А вдруг и не вернёмся живыми? Ну ладно мы, в жизни всякое было: и хорошее, и плохое. Всё видели, многое пережили, и умирать не страшно. А им какво? Видишь, как умаялись.

Василь покачал головой:

– Знаю, думал об этом. Да, они молоды и ещё не так сильны, но ловки и выносливы и знают язык степняков. Но думал я и о другом... Всё равно их было бы не удержать, да и от крови их не воротит. Это уж как молодые волчата, которые попробовали первый раз сырое мясо. Я вспомнил себя молодым. Так я после первого боя два дня есть не мог – мутило всего. А они держатся молодцом.

Помолчав, добавил:

– Пока есть такие отроки, – не состарится племя: они вдохнут в него жизнь. Верю, расправит народ плечи, заставит себя уважать, не будут его грабить другие, уводить в плен людей, расплодятся и будет жить счастливо.

Василь помолчал, подумал над этими словами и с грустью сказал:

– Думаю, что я этого не увижу. Пока есть такие, как Воист, которым свое добро ближе чужой боли – это будет не скоро.

– Ты прав. За ними будущее. Хорошими воинами вырастут.

– Да, хорошими, – согласился Василь. – Но видится мне, что Вячеслав может до воеводы дорасти. Есть в нём способность принимать решения, от которых зависит жизнь других людей. И пускай по молодости эти решения не всегда верные, но, согласись, не каждый может взвалить на себя такую ношу ответственности. У него своё видение правды, но за эту правду люди будут готовы идти за ним. Вначале их будет мало, а затем всё больше и больше. Вот и ты, Сивояр, согласился...

– Я тебе вызвался помочь.

– Ой ли?

Сивояр смущённо улыбнулся:

– Опять ты прав. Не мог я не помочь сыну Древана. Есть в нём обстоятельность и мужицкая рассудительность отца, и в то же время в Вячеславе есть что-то от его дяди Бажена: то ли отчаянность, то ли смелость.

И опять:

– И-и-и, хлоп. И-и-и, хлоп.

– Погода будет меняться, – промолвил Василь. – Рука больная ноет, да и шрамы от ран тоже... Наверно дождь будет.

– Да, парит, – ответил Сивояр. – Может ветерок подует, тогда парус поставим.

Вячеслав приподнялся:

– Дядько Василь, давай я тебя подмену.

– Проснулся? Ты лучше вон Сивояра подмени, а то он всю ночь лодкой управлял один.

– Чегой-то один? С Серко...

– Давайте мы с Вячеславом на вёсла сядем, – раздался голос Векши.

– О! И ты проснулся. Тогда давайте поешьте и помашите вёслами, а я, пожалуй, и правда подремлю, – Сивояр бросил весло и подал отрокам по куску хлеба, а сам полез на нос ладьи.

Серко, почуяв запах хлеба, начал тыкать своим влажным носом то в Вячеслава, то в Векшу. Вячеслав с опаской отпрянул от волка.

– Да не бойся ты, – улыбнулся Василь. – Это он тебя за своего принял. Он теперь не укусит.

– Ты ему хлебца дай, – Векша отломил кусок хлеба и дал Серко.

Тот хапнул с руки и проглотил не жуя. За Векшей хлеб протянул и Вячеслав. Хлеб опять вмиг исчез.

– Хватит, Серко. Дай людям поесть, – одёрнул волка Василь. Серко поджал хвост и улёгся у ног Василя. – Его этим не накормишь. Они – волки, вообще могут несколько дней не есть, а потом отъедаются. Такая у них волчья порода.

– Да он как собака, только хвостом не машет, – улыбнулся Вячеслав.

Ладья уже плыла посреди широкой реки среди высоких и крутых берегов, подмытых водой. Какое-то разнообразие вносили небольшие лесочки, как бы выбегающие полюбоваться на несущую воду реку, да невесть как удерживающиеся на крутых берегах растущие деревья. Иногда эта обрывистая стена разрывалась, и в реку впадала небольшая речка. В это время Василь доставал платок, расшитый цветными нитками, и рассматривал его, оглядываясь по сторонам.

– Дядько Василь, а чего ты его всё рассматриваешь? – заинтересовался Вячеслав.

– Вот смотрю и определяю, что нас дальше ожидает: какая речка будет в реку впадать и с какой стороны, что там дальше будет за поворотом?

– Как это платок может это знать? – удивился Вячеслав.

Василь улыбнулся:

– Вот представь, что ты – птица и паришь высоко над рекой. Представил?

Вячеслав кивнул головой, продолжая размеренно работать веслом.

– А если ты поднимешься ещё выше, то что ты внизу увидишь?

– Речку увижу, но она уже как ручей будет.

– Вот! – довольно произнёс Василь. – А если ещё выше?..

– Ручеёк маленький.

– Ещё...

– Ниточку тоненькую, но разве так можно залететь высоко?

– Правильно ты сказал – ниточку. А теперь посмотри на платок – видишь белую нитку извилистую? Это и есть наша река, по которой мы плывём. А вот эти тонкие ниточки – это речки, которые впадают в нашу реку.

– Ух-ты! – восхищённо воскликнул Вячеслав. – А у тебя есть платок, где хазары полон ведут?

– Есть. Эти, как ты говоришь, платки я делал, когда по степи ходил. По ним всегда можно прикинуть: где ты находишься и в каком направлении нужно идти. – Василь замолчал, а потом спросил: – Чуете?

– Что?

– Так ветерок подул. Бросайте вёсла и давайте парус поставим.

Под парусом лодка пошла гораздо живее. Уже не надо было махать вёслами, и Вячеслав и Векша с интересом смотрели по сторонам. Река извивалась, менялись пейзажи, но всё это не могло отвлечь Вячеслава от мыслей возможных способов освобождения славян из полона.

– Дядько Василь! Вот ты вчера говорил, что если бы у нас было сто воинов, то всё равно у нас могло не получиться отбить полон. А если внезапным наскоком, пока они не очухались, а?

Василь серьёзно и внимательно посмотрел на Вячеслава и, после небольшого раздумывания, промолвил:

– Понимаешь, Вячеслав, чтобы воевать с врагом и победить его, надо знать слабые и сильные стороны противника. Знаешь – ты уже почти победил. В чём сильная сторона хазар?

Вячеслав вспомнил последнюю схватку с хазарами, когда конный хазарин зарубил Сфирько и ранил Станко:

– Я думаю, что они хорошо сражаются на коне.

– Вот. А в чём преимущество славян?

Вячеслав молча смотрел на Василя.

– Славяне хорошо сражаются в пешем бою, мастерски делают засады, – Пояснил Василь.

– Так что же нам их никогда не победить?

Василь улыбнулся:

– История войн показывает очередность преобладания конницы над пешими и наоборот, пеших воинов над конными. Всегда побеждали те народы, которые находили что-то новое в оснащении войска, в его построении.

– У Вячеслава загорелись глаза:

– Расскажи, как это!..

Векша пересел поближе, а Василь продолжил:

– В древние времена войны обычно выигрывали те, у кого было больше войска. И вот македонский царь Филипп, как каган у хазар, – пояснил Василь, – придумал новое построение войска – фалангу. Представьте несколько рядов воинов, держащих копья, причем у воинов в каждом следующем ряду копье длиннее. Таких рядов могло быть восемь и даже более. Воины в последних рядах, чтобы удержать копье, клали копья на плечи впереди идущих. С боков фалангу прикрывали всадники в доспехах. Такую конницу обычно называли тяжёлой, а если всадники были без доспехов, то лёгкой. Представляете, что могли сделать с этой ошестинившейся копьями стеной противники? Пешим воинам подойти ближе было нельзя, а кони на копья никогда не полезут. Такая стена сминала боевые порядки противника, заставляла их отступать, а тогда в бой вступала конница и рубила отступающего противника.

Василь перевёл дух и продолжил:

– Вот это передовое построение войск использовал сын Филиппа Александр, который завоевал множество народов и основал большую империю. Этот боевой порядок казался непобедимым, пока не столкнулся с войском римлян. Римляне использовали катапульты, которые стреляли стрелами размером больше дротика шагов на пятьсот. Такая стрела запросто пробивала щиты у воинов первого ряда и разила воинов первого и второго, а иногда и третьего ряда. В рядах фаланги образовывались бреши, и туда устремлялась конница. Кроме того римляне своим лошадям прикрывали глаза, и лошади, не видя направленных в них копий, безбоязненно

налетали на фалангу и своей массой также расстраивали строй противника. И что могли потом сделать со своими длинными копьями воины в последующем?

– Погибали? – спросил Векша.

– Да, погибали. Ну, вот он – непобедимый боевой порядок! Но нет, появляются готы, у которых более мощная броня, и которые защищают её даже своих коней. И они покоряют римлян. Есть на готов управа? Есть. Появились гунны, которых поддерживали славяне?

– Славяне били готов? – удивился Вячеслав.

– Не спеши. Я говорю, что вместе с легкой конницей гуннов воевали пешие славяне. Гунны в ближний бой не лезли, обстреливали из своих дальнобойных луков противника, кружили вокруг него, и легко уклонялись от столкновений с медленной и тяжелой конницей готов, изматывали её и заманивали на засады славян. Разрозненный строй неуклюжих готов становился лёгкой добычей.

– Так хазары похожи на гуннов! – воскликнул Василий.

– Чем-то похожи, а чем-то нет. Умер предводитель гуннов, и разлетелись в разные стороны их племена, в том числе остались на новых землях и племена славян. Вроде бы эти методы ведения войны остались у всех этих племён, но появляется новое племя – авары. Они были немногочисленны, но смогли покорить многие народы. Одни покорились аварам, другие – переселились от них подальше.

– Переселились подальше, – тихо про себя повторил Вячеслав.

– Так в чём же было преимущество воинов авар? А в том, что они применили стремена. Всаднику на них можно было вставать, и от этого удар мечом был гораздо сильнее. Бой они начинали лёгкой конницей, а затем вводили тяжёлую, которая громила потрёпанные непрерывными наскоками войска противника.

– Да, сложно это – воевать, – вздохнул Векша.

– Сложно, – согласился Василь. – Как вы видите, победы в бою часто зависят не от количества воинов, а от их умения, от преимущества в вооружении и даже от скорости передвижения войска. Вот арабы или, как их называют ромей – сарацины, в своих победах часто использовали быструю переброску своих пеших воинов на конях. Неожиданное появление войск сарацин приводило к их победе. Вот сравнительно недавно франки, используя опыт сарацин, также быстро добрались на лошадях на место боя, но сражались они пешими и победили сарацин. В бой франки всегда идут, построив из воинов клин, в вершину которого ставят самых сильных и опытных воинов. Если в войске много воинов, то создаются несколько клиньев. В ближнем бою трудно противостоять франкам. Они бросают своё копьё с зазубринами в щит противника, а затем наступают на древко копья, щит у противника отклоняется, и потом легко справиться с незащитным. Ещё они умело бросают свои топоры – франциски.

Василь замолчал, вспоминая что-то своё.

– Дядько Василь, а откуда ты это всё знаешь? – спросил Вячеслав.

– У меня было много учителей. Среди них были и ромей, и авар, и франк. Вот франк и учил меня бросать топор, а авар научил обращаться с кнутом. Вот и Векша теперь с кнутом орудует получше любого степняка.

– Так тебя дядько Василь учил? – повернулся Вячеслав к Векше.

Векша утвердительно качнул головой и спросил:

– Дядько Василь, а как нам лучше это хазарское ярмо сбросить?

– Знаешь, Векша, люди, живущие в горах, говорят, что если с горы упал один камень, то скоро сверху сойдёт лавина. Ты верь, что придёт время, и хазары здорово получают по зубам.

– Получат, это точно, – промолвил Вячеслав.

– Дядько Василь, смотри – хазарин, – Векша показал на берег.

На берегу стояла одинокая фигура всадника. Василь присмотрелся:

– Нет, это не хазарин. Это болгарин. Видите, у него колпак на голове. Такие шапки носят болгары. Обычно здесь они не бывают. Давайте узнаем: чего это он так далеко забрался от своих кочевий, – Василь повернул ладью к берегу.

На высоком берегу стоял старый человек и, прищурившись, смотрел на вылезавших из ладьи людей. Его халат был довольно старый. На голове из-под войлочного колпака свисала одна седая косичка. Прибежавшие сверху кобели, видимо учуяв волка, бегали вдоль берега и неистово лаяли на ладью и на славян. Проснувшийся от лая Сивояр недоумённо озирался. Серко, выглядывавший из-за борта, оскалил свои клыки и, не переставая, рычал.

– Убери своих псов, Кубрат! – воскликнул Василь, вылезая из ладьи. – Жалко будет, если мой Серко кого-нибудь из них порвёт.

– А-а, это ты, Басил! Я тебя сразу не узнал. А за собак не беспокойся, они у меня волков дерут – залобуешься, – Кубрат осторожно начал спускаться по откосу и отзывать своих псов.

Собаки не слушались, а продолжали лаять и мешать славянам выйти на берег, бросаясь им под ноги и чуть не хватая их зубами, пока удачный удар ногой Вячеслава по морде одной из собак, а затем и Кубрат палкой не отогнали их.

– Тучны ли твои стада, Кубрат? – продолжил приветствие Василь.

– Тенгри милостив ко мне.

– Кто это, Тенгри? – шепнул Вячеслав Векше.

– Это имя их бога, – ответил тот.

– Я не ожидал тебя встретить в это время, Басил. Обычно ты появляешься позже. Пойдёмте, я вас угощу кумысом, – распростёр руки Кубрат.

– Прости, Кубрат, но мы спешим. Я знаю, что этот отказ может оскорбить тебя, – Василь заметил, как изменился в лице болгарин, – но выслушай меня и постарайся понять. Хазары напали на наши селения и взяли большой полон. Среди пленников находится и моя дочь. Я хочу всех освободить. Как считаешь, это важная причина?

Кубрат сочувственно покачал головой:

– Тенгри вступится за тебя. Мне жаль, но я не могу помочь тебе. Моих сыновей забрали хазары воевать с печенегами, и теперь я один охраняю стадо. Я и мои собаки. Ты думаешь отбить полон? Но вас мало. Жаль, но воинов вокруг не осталось, и помочь тебе некому.

– Не знаю, Кубрат. Может быть, удастся выкупить, пока их не продали на торге, где продают рабов. Ты мне лучше скажи: почему ты здесь?

– Хазары были злы на савиров и отвели им для проживания место, где одни солончаки. А еще обложили их данью. А ведь они союзное племя, а не подданные хазар. Савиры плюнули на хазар и ушли с отведённых им мест. Теперь они переселились туда, где кочевал я – рядом с барсилами. Сейчас хазары воюют с печенегами и им не до савиров. Я боюсь даже думать о том, что будет, если закончится эта война. Савиры и барсилы не согласились помогать хазарам в этот раз. Хазары им этого не простят.

– Благодарю тебя, Кубрат. Ты рассказал мне ценные вести. Пусть твои сыновья вернуться домой живыми.

– Басил, я хочу хоть чем-то помочь тебе. Я только что зарезал молодого барашка – возьми его.

– Благодарю тебя, Кубрат. В долгом пути это не будет лишним, и нам не придётся тратить время на охоту. Векша, Вячеслав, отнесите мясо в ладью!

От принесённого задка барана Василь отрезал здоровенный кусок с костью и дал Серко. Волк схватил мясо, примостился между тюков с вещами и, поглядывая на окружающих и изредка показывая им свои большие клыки, как бы предупреждая, что это его добыча, начал его жадно поедать. Между тем Сивояр отчалил от берега.

И опять ветер надувает парус, и опять ладья разрезает носом волны мимо голых и поросших кустами берегов. Под усилившимся ветром ладья бежит ходко, переваливаясь с борта на

борт на волнах. Иногда налетали такие порывы ветра, что мачта начинала скрипеть. Облаков становилось всё больше, они сгущались, и вдруг ветер стал утихать. Из-за горизонта приближалась иссиня-чёрная туча, вначале полыхавшая всплесками молний, а затем, по мере приближения, начавшимися раздаваться раскатами грома, звук которых начинался где-то далеко, потом усиливался и затихал опять вдали.

Парус совсем обмяк, и Сивояр убрал его. Векша и Вячеслав опять сели на вёсла. Волн почти не стало, и ладья скользила по поверхности воды как по льду. Появившаяся на воде рябь, а затем порыв холодного ветра, ударивший по разгорячённым лицам славян, усилившиеся раскаты грома, а также приближающаяся тёмно-серая стена дождя, начинающаяся от искрившихся от молний облаков и смыкавшаяся у самой земли, вынудили Сивояра свернуть к берегу к одной из песчаных отмелей. Вчетвером они оттащили ладью подальше от воды и перевернули её, подперев один борт. Получился навес, в котором можно было укрыться от дождя, так как грозовая туча, обложившая всё небо, не предвещала быстрого его окончания.

Ливень глухо ударил по ладье, по воде и по песку, почти заслонив собой противоположный берег реки. Стало немного сумрачно, но этот сумрак рассеивали всполохи молний, и буквально без задержки раздавался оглушающий треск грома, после которого Серко недовольно рычал и обнажал свои серо-жёлтые клыки. Капли дождя выбивали на поверхности реки крупные пузыри, которые затем лопались от других упавших капель.

– Видно надолго эта непогода, – заметил Сивояр. – Как думаешь, Василь, не опоздаем мы?..

– Не должны. Летние грозы недолги.

Гроза продолжалась до самого вечера. Туча уже на последнем выдохе роняла редкие капли, и, невзирая на них, все вылезли из-под ладьи и спустили её на воду. Кроваво-красное солнце, появившееся из-за рассеивающихся туч, уже садилось за горизонт. После прошедшей грозы воздух был опьяняюще сладок и чист, и всем хотелось его нескончаемо вдыхать полной грудью. Свежий ветерок наполнил парус, и ладья опять побежала по воде, разрезая носом волны.

Глава 6

– Я думаю – пора, – Василь стоял в ладье и осматривал берега. – Ладью надо здесь спрятать, а дальше пешком пойдём.

Вячеслав почувствовал, как учащённо забилось его сердце и стало немного тревожно от предстоящей неопределённости. Вот они – последние мгновения ожидания приближения врага и возможности погибнуть, когда ещё не льётся кровь. Что их ожидает дальше? Сколько хазар охраняет полон? Удастся ли освободить соплеменников и родичей? Он поглядел на спутников – все выглядели как обычно спокойно, и Вячеслав постарался скрыть своё волнение.

Сивояр, стараясь по возможности не помять заросли осоки, густо растущей в воде, осторожно направил ладью к берегу, пока она не села на мель. Серко, ужом проскальзывая меж высоких стеблей камыша, в несколько прыжков оказался на берегу и скрылся в высокой траве.

– Ты, Сивояр, обживайся здесь пока, а мы пойдём, оглядимся, да место поищем, откуда за бродом присматривать удобнее.

Пройдя версты две, Василь остановился у излучины реки и показал рукой:

– Вот он – Звериный брод.

В этом месте русло реки сузилось, и было видно, как на перекате струилась вода, бьющаяся о камни дна. Василь показал рукой на противоположный берег реки:

– Дня через два они должны появиться вон оттуда, если, конечно, они пережидали бурю. А если нет, то послезавтра. Как думаете, где нам лучше расположиться?

– Вон из тех кустов будет хорошо виден брод и все, кто будет через него переправляться, – Векша показал на растущие кусты на берегу рядом с бродом.

– А я думаю, что близко подходить нет смысла – и отсюда всё видно. Можно здесь остановиться, – предложил Вячеслав.

– Я тоже так думаю, – согласился Василь, сел на землю и раздвинул густую траву, чтобы был виден брод. – Наблюдать за бродом отсюда будем. Хазары как переправятся, стан на этом берегу будут ставить, а нам не к чему там рядом быть в это время.

– Здесь – так здесь, – Векша упал на траву и раскинул руки. – Хорошо-то как! Просторно, и травы полно – для скота раздолье!

Он сорвал пучок травы, помял пальцами и даже понюхал:

– А трава здесь уже перестояла: давно косить надо было бы. А у нас ещё не созрела...

– Дядько Василь, а почему ты думаешь, что они на этом берегу остановятся, а не на том? И, вообще, может дальше пойдут, не останавливаясь, – присаживаясь рядом, спросил Вячеслав.

– Нет, дальше не пойдут – здесь остановятся. До следующего источника как раз день идти. Лошадей им напоить надо? Надо. Здесь ночевать будут. А после перехода реки за ночь обсушиться у костра можно, да и реку лучше за собой оставить от возможной погони.

– Как всё просто оказывается... – Вячеслав удивлённо поджал губы.

– А ты всегда старайся поставить себя на место врага и думай, что ты бы в этом случае сделал.

– А что здесь думать? – Векша подложил руки под голову. – Отсыпаться надо эти два дня, а то потом может и не придётся. Я, когда коров пасу, всегда днём дремлю, когда они в тени свою жвачку жуют.

– А я думаю... Думаю – как там в полоне? Думаю – не пропали ли Житко и Путята? Да мало ли что в голову лезет...

Появившийся из высокой травы Серко подбежал к Василию, ткнулся своим мокрым носом ему в щёку и прилёг рядом с хозяином. Василь откинулся на спину:

– Отдыхай, Вятко. Если что, то Серко даст знать. До заката ещё немного осталось, а там и к Сивояру вернёмся кашу есть.

– Дядько Василь, а может хазар во время переправы стрелами закидать?

– Можно было бы, если с ними не было полона. Наша задача вначале узнать сколько их. Понял?

– Я понял одно: нельзя их отсюда дальше в степь пропускать. Только не знаю как.

– Главное, чтобы хазары не чувствовали опасности: спокойно переправились на этот берег, спокойно стан раскинули. Главное, чтоб тихо было. А под эту тишину мы их перед рассветом и перережем всех, но тихо! И чтобы полон нам не мешал.

– Перережем? – переспросил Вячеслав.

– Именно так. Хазары – разбойники и тати. Они не с воинами пришли биться, а с набегом – с мирными людьми. Честный бой в поле не для них. Поэтому с ними нужно поступать как с татями.

– А если всех не удастся перерезать? Вдруг не получится?

– Тогда остальных придётся стрелами закидывать, – сказал Векша, не раскрывая глаз.

– Придётся, – согласился Василь.

– Но тогда тишины не будет, – заволновался Вячеслав.

– Тишины не будет. А будет у хазар неизвестность, а неизвестность всегда кажется страшнее.

Серко внезапно встал и уставился на брод.

– Ты что, Серко?

Все приподнялись. На противоположном берегу к броду рысью спускался табун лошадей. Серко развернулся и скрылся в траве.

– Это не хазары, – произнёс Векша. – Дикий табун.

– Табун дикий, но чего он так взволнован? – заметил Василь. – Чего так спешит?

– Может, зверь какой спугнул?

Из травы появился волк, схватил зубами за рукав Василя и потянул за собой.

– Чего это? – поднялся с земли Василь, а за ним и остальные.

Все двинулись за волком в противоположную сторону от брода. Через двадцать шагов Серко остановился и, вздыбив в холке шерсть, недовольно зарычал. Перед ними открылся прямой участок реки до следующего поворота, и вдали, перед самым поворотом, держа в одной руке лук и стрелы, переплывал реку человек. Василь присел, потянув за собой отроков.

– Кто это интересно?

– Это не Житко и не Путята. Кто-то чужой, – заметил Вячеслав.

– Может, я сбегая, разузнаю: кто это? – предложил Векша.

– Подожди, не успеешь – скроется он в высокой траве. Или ещё хуже – подстрелит невзначай. Чую я, что нет у нас ни двух, ни одного дня. Слышите?

Сзади у них за спиной, заглушаемые шумом переката, раздавались еле слышные голоса. Все трое вернулись на первоначальное место. Сквозь траву было видно, как в воду въезжала вереница повозок, окружённая всадниками.

– Вот они – хазары, – вглядываясь, задумчиво произнёс Василь. – Что-то произошло, раз они так рано здесь появились. Спешили как видно и кого-то опасались – не иначе. Это плохо: они могут быть настороже. А с другой стороны, их всего почти два десятка. Это уже неплохо. Вот что, друзья мои! Как стемнеет, тихо проберётесь в их стан и разузнаете обо всём: где будут стоять шатры, где полон, где их кони. Я староват для этого, а вы сможете. А сейчас вернёмся к Сивояру.

* * *

Куреп вопросительно смотрел на Бураша, глаза которого необычайно ярко сверкали в отблесках небольшого костра, горящего внутри шатра и тускло освещающего его.

– Ну что? – требовательно спросил Куреп.

– Брод стерегут шесть человек. Пока всё тихо.

– У тебя всегда всё тихо, – недовольно перебил его Куреп. – Не проходит ночи, чтоб мы не теряли воинов. Головой ответишь, если ночью кто-то перейдёт брод. Иди.

Бураш продолжал стоять.

– Ну что ещё?

– Там этот одноухий ромей приехал со своими людьми. С тобой хочет поговорить.

– Много с ним людей?

– Пятеро.

– Приглядывай за ними на всякий случай. Веди одноухого сюда – узнаем, чего он хочет.

Бураш вышел и через некоторое время в шатёр привёл человека. Перед Курепом стоял среднего роста человек с аккуратно подстриженной бородой и волосами на голове. И хотя он был одет в одежду степняков, на степняка он походил мало. У Курепа одноухий часто перекупал славянских пленников, и, несмотря на такое частое общение, Куреп не доверял ему из-за его постоянно бегающих глаз и какого-то слащавого взгляда.

– Ты что-то слишком рано меня встречаешь, – притворяясь радушным, улыбнулся Куреп.

– Простое желание заработать вынудило меня встретить тебя здесь. Чем ближе к торгу невольников, тем рабы будут дороже. А здесь я постараюсь купить у тебя их чуть дешевле и избавить тебя от части хлопот по их охране и сопровождению. Вот видишь – я открыт перед тобой, – как-то вкрадчиво и заискивающе проговорил одноухий. – Сейчас моему василевсу Льву IV нужны ремесленники – видно опять готовится война. Поэтому на них большой спрос. Есть ли у тебя такие?.. Или, может, у тебя есть что-то особенное?

– В этот раз я ничем не могу тебя обрадовать. Эти славяне-сакалибы слишком неразумны – они совсем не ценят свою жизнь и сражаются до тех пор, пока их не убьют. У меня для тебя нет рабов-мужчин и, соответственно, ремесленников.

Даже в тусклых бликах костра было видно, как у ромея пропал его заискивающий вид. Куреп усмехнулся в душе, глядя, как изменился ромей, и с небольшим презрением продолжил:

– А особенное у меня есть, но ты его у меня не купишь – слишком дорого.

– Насколько дорого? – заинтересовался ромей.

– Я надеюсь получить за неё выкуп в сто монет.

– Это женщина? И почему ты решил, что тебе за неё дадут такой выкуп? – опять на лице ромея появилось заискивающее выражение.

– Эта девчонка грозитя своим отцом и обещает, что он всех освободит из плена.

– Но отчего ты решил, что за неё дадут такой выкуп? Строптивость у нас в империи быстро умирят.

Куреп достал бусы из крупного жемчуга и золотые серьги:

– Смотри! Может простая славянка иметь такие украшения?

Ромей многозначно покачал головой, соглашаясь.

– И ещё, – Куреп убрал драгоценности за пазуху. – Эта, как ты говоришь, строптивая славянка ещё очень здорово говорит на ромейском языке.

– На ромейском? – Заинтересовался ромей. – А можно на неё посмотреть?

Куреп внимательно посмотрел на ромея:

– Я сказал, что она стоит сто монет, и я их получу, – внезапная мысль мелькнула у него. –

Но ты можешь купить у меня её старшую сестру. Она очень красива.

– Ну что ж! Приведи, посмотрим.

– Бураш! – крикнул Куреп и приказал вошедшему: – Приведи девчонок из шатра.

Обеих, – и скабрезно улыбнувшемуся Бурашу добавил: – Осмотр перед продажей.

– Гы! Понятное дело, – засмеялся Бураш и вышел.

* * *

– На, Единец, ешь! – Млада отломилла небольшой кусок от пресной лепешки, по которой выдали хазары каждому пленнику, а остальное протянула брату.

– Ты что это, Млада! – одёрнула её Агапе. – Так совсем ослабеешь. И так впроголодь существуем. Хорошо ещё в повозках едем, а не пешком.

– Кому нужны мои силы? – горестно простонала Млада.

– Нас скоро спасут, – уверенно произнесла Агапе.

– Ты сама не веришь, что говоришь.

– Так почему хазары последние два дня всё время погоняли лошадей? И злые все, а? Почему ночевки такие короткие? А потому, что боятся они кого-то.

В темноте разлил свои трели соловей, и вдруг его песня резко оборвалась.

– Слышишь? Соловей.

– Как мало спел соловей! Его песня коротка, как моё детство. Знаешь, Агапе, сегодня, когда переправлялись через брод, я пожалела, что рядом нет омута: я бы, не задумываясь, бросилась бы в него.

– Что ты, что ты! Даже не думай об этом.

Млада иронично скривилась:

– Я не думаю, а знаю, что даже глубокий омут не сможет смыть с меня этот противный его пот... – и у неё по щеке потекла одинокая слеза.

Недалеко два раза ухнул филин, и сразу же вдали как эхо ему отозвался другой. Млада насторожилась:

– Слышишь?

– Что?

– Филины в ночи перекликаются.

– Филин – птица ночная. Вот и кричит.

– Филин на деревьях селится, а где здесь деревья? Обычно Станко с братьями так в лесу перекликался.

– Ах! – радостная Агапе обняла Младу. – Я верила, понимаешь, я верила...

– Хватит обниматься! – на пороге шатра появился Бураш, а за ним виднелись ещё трое воинов. – Пошли, Куреп ждёт.

– Опять! – сразу сникла Млада.

– Обоих ждёт, – добавил Бураш.

– Зачем? – отпрянула назад Агапе, сразу побелев лицом. – Я не пойду.

– Да кто тебя спрашивать будет? – Бураш схватил Агапе за волосы и вытащил из шатра.

– Агапе! – заверещал Единец и бросился за ней, но один из воинов грубо затолкнул его обратно.

В той стороне, где были лошади хазар, раздались крики. Бураш остановился, продолжая держать Агапе за косу, и приказал одному из воинов, следовавших вместе с ним:

– Узнай, что там?

Воин скрылся в темноте, а Бураш не успел пройти далее и нескольких шагов, как сбоку на него прыгнул волк и куснул его прямо за щёку, а затем отодрал клоч одежды на боку. Бураш еле удержался на ногах, оттолкнул Агапе и выхватил меч.

– Прочь, Серко! – крикнула Агапе по-ромейски, и волк, отпрянув и порывав, попятился и скрылся в темноте.

Бураш и оставшиеся воины – втроём, выхватив мечи, испуганно озирались по сторонам, ожидая нового нападения или чего-то неожиданного, а Млада и Агапе уже не могли сдержать радости.

– Пошли, – Бураш толкнул Агапе, и хазары повели девчат дальше.

* * *

В ночной степи, не отдохнувшей от дневного жара, в направлении горящих костров хазар осторожно, почти не шурша травой и не издавая ни звука, скользили три тени. Одной из них был волк Серко, а две других – Векша и Вячеслав. Оба отрока, доверяясь чутью зверя, следуя за ним, вначале двигались быстро, но по мере приближения к хазарам, невзирая на поведение волка, стали чаще останавливаться, прислушиваться, а затем поочерёдно, низко пригнувшись к земле, перебежать на новое место. Векша наготове держал лук со стрелами, а у Вячеслава под рукой были его ножи.

Немногочисленные костры хазар были разложены довольно далеко друг от друга, охватывая весь их стан. Некоторые из них горели довольно далеко от шатров, причём все со стороны степи. И только со стороны брода чернела темень. По стану хазар бродили люди, изредка заслоняя собой огонь.

У ближайшего костра хазар, к которому подобралась отрока, было непонятно тихо, но Серко не показывал волнения. Векша и Вячеслав, стараясь оставаться в темноте, начали кружить вокруг него, пока Векша не схватил друга за руку. В отблесках огня были видны лежащие на земле два трупа, пронзённые стрелами.

– Это наверное тот, из речки... – шепнул Векша.

– Это плохо, – также тихо ответил Вячеслав. – Хазары будут настороже. Внезапно на них не напасть.

Недалеко раздалась трель соловья и резко оборвалась.

– Кому-то знак подаёт, – шепнул Векша.

– Значит, он не один, – ответил Вячеслав. – А ведь ещё Житко и Путята должны быть рядом.

– Сейчас проверим, – Векша поднёс ладони ко рту. – Ух! Ух!

В ответ, как эхо, раздалось из темноты:

– Ух! Ух!

– Братья, – улыбнулся Вячеслав. – Живы...

– Агапе! – раздался детский крик.

Серко встрепенулся и скрылся в траве, а в той стороне, откуда донёлся ответный крик филина, раздалось ржание лошадей и топот копыт.

– Хазарских лошадей в степь погнали, – приподнявшись и пытаясь что-то разглядеть в темноте, на слух определил Векша.

– Зачем? – почти простонал Вячеслав. – Теперь к ним вообще не подобрёшься.

– Подберёмся, – не согласился Векша. – Смотри! – Векша показал в сторону хазарского стана.

На фоне горящих хазарских костров было видно, как пригнувшись к земле, метнулся к этим кострам человек. Вячеслав прошептал на ухо Векше:

– Я за ним, а ты найди Житко и Путяту.

Векша скрылся в темноте, а Вячеслав осторожно, то и дело останавливаясь и озираясь по сторонам в ожидании опасности, направился вслед за неизвестным союзником, стараясь не высовываться из травы и тихо раздвигая её стебли. В отблесках костров он хорошо видел силуэт незнакомца, который бесстрашно приближался к одному из шатров, а затем внезапно скрылся из глаз.

Недалеко от костра, горящего у шатра, Вячеслав остановился и осторожно подполз ближе. Вокруг огня сидели двое воинов и нехотя перебрасывались между собой словами. До Вячеслава, распластавшегося на земле, долетали их слова, но он не старался вникнуть в смысл, а осторожно озирался по сторонам, пытаясь услышать или разглядеть в темноте движение незнакомца. Вдруг буквально в двух десятках шагах от него из травы поднялся человек и двинулся к противоположной от входа стороне шатра. Это было так бесстрашно и в то же время опрометчиво, что Вячеслав затаил дыхание и напрягся, готовый ко всяким неожиданностям. Судя по поведению, по резким порывистым движениям – это был такой же молодой парень, как и он сам.

Незнакомец шмыгнул к шатру, и Вячеслав услышал еле слышный треск разрезаемого полотнища, а затем тихий шепот:

– Млада, Агапе!

– Нет их здесь. Увели их, – раздалось в ответ.

– Единец, иди ко мне – тебя братья ждут!

Видимо хазары что-то услышали и насторожились. Они вытащили из костра горящие сучья и бросились за шатёр. Огонь осветил молодого парня, держащего на руках Единца. Отрок бросился в спасительную темноту, а Вячеслав вскочил и один за другим бросил два ножа в хазар. Один нож попал хазарину в горло, и он, схватившись руками за горло, упал замертво. А второй – попал другому в плечо, и хазарин выронил из руки горящую ветку. Вячеслав осторожно попятился и бросился вслед за парнем.

Отбежав довольно прилично от хазар, Вячеслав остановился и прислушался. Вокруг было тихо, если не считать стрёкота сидящих в траве сверчков. Он поднёс руки ко рту, и в ночной тиши опять раздалось:

– Ух! Ух!

– Здесь мы, – раздался тихий голос Векши буквально в нескольких десятках шагов.

Подойдя, при свете нарождающейся луны и звёзд Вячеслав разглядел довольные лица братьев и незнакомого парня, который оказался постарше, чем он сам.

– Вятко! – счастливый Единец прильнул к Вячеславу. – Я знал, что вы придёте! Знал!

Маленькое худенькое тельце брата крепко прижалось и, казалось, совершенно не хотело расставаться, чувствуя теперь в совершенной безопасности.

– Вятко! – взволнованно продолжил Единец. – Спасать всех надо. Хазарин сказал, что если кто убежит, то всех, кто был рядом, убьёт.

– Не успеет. Всех спасём. А ты кто? – обратился он к парню.
– Трегуб я. Убежать от хазар помогли вот они, – он кивнул на Единца. – А потом твоих братьев встретил.

Радостные встречей Житко и Путята улыбались:

– Мы не отстали от хазар и выследили их.

– Это потому, что я в деревне лучший охотник, – ввернул своё слово Трегуб.

– Молчи уж, охотник! – перебил его Житко. – После того, как ты ночью к хазарам пробирался, они сломя голову целый день коней подгоняли. Мы еле успевали за ними – перекусить некогда было. А сам потом целый день спишь на коне. Так и гляди за тобой, чтоб не упал.

– Зато я им по ночам спать не давал. И не один хазарин стрелу в бок получил. И коней у них я придумал угнать...

– Лучше бы, конечно, чтоб не придумал, – остановил бахвальство Вячеслав. – Теперь хазары вообще спать не будут, и к ним будет очень трудно подобраться. Неосторожный ты, видел я, как ты Единца у хазар выкрал. Но за брата благодарю.

– Ничего, их не очень много осталось, – вальяжно произнёс Трегуб. – А теперь, когда вы с воинами подошли, им только и остаётся, как бросить полон и улепётывать сломя голову. Много воинов-то с вами?

– Нет воинов. На себя надейся, – ответил ему Векша.

– Как нет? – взволновался Трегуб. – Как же без воинов-то?

– Зачем нам воины, когда есть дядько Василь? Успокойся, завтра утром никого из хазар в живых не будет. А сейчас пойдём, дядько Сивояр вас кашей накормит...

Глава 7

Бураш с окровавленным лицом затащил в шатер Агапе и Младу и бросил их к ногам Курепа. Девочки поднялись на ноги и вызывающе смотрели на хазарина. Куреп удивился переменной, произошедшей с Младой. Раньше безучастная ко всему, теперь она глядела на него непокорно смело. Её дерзкий взгляд смутил Курепа, и поэтому он вначале обратился к Бурашу:

– Что это с твоим лицом?

– Волк напал.

– Что он – бешеный, чтоб на людей бросаться?

– Да не похоже, что бешеный... Вон она, – Бураш показал на Агапе, – что-то крикнула, и волк отстал.

– Ты не пьяный случайно? Как можно управлять диким зверем? Кровь с лица уйми!

Бураш недоумённо пожал плечами, а одноухий ромей подошёл к Младе и властно пальцем поднял её подбородок:

– Как зовут тебя, красавица? – спросил он по-ромейски.

Млада непонимающе смотрела снизу вверх на ромея. Он усмехнулся и повернулся к Агапе.

– Её зовут Млада, – произнесла по-ромейски Агапе.

– А тебя?..

– Агапе.

– Агапе? Что означает «любовь». О-очень интересно, – протянул ромей и повернулся к Курепу. – Никакая она ей не сестра. Не может одна знать ромейский язык, а другая – нет.

Он опять повернулся к Агапе:

– Ты очень хорошо говоришь по-ромейски. Откуда ты знаешь наш язык?

Агапе горделиво вздёрнула голову:

– Мой отец родился в империи ромеев. Мать моего отца из рода Камениатов.

– О-о-о! – протянул ромей, – род Камениатов известен в империи. А как он оказался среди этих варваров-славян?

– Он вернулся на родину своего отца.

– Родина, – ухмыльнулся ромей. – Тоже нашли понятие! Родина там, где тебе лучше всего жить. А всё остальное – пустое. Значит, просто он не был способен жить среди нашего просвещенного народа, ни на что не способен...

– Моего отца хорошо знали среди ромеев, и его знал сам базилиевс.

– Да ну? И под каким же именем его знал император?

– Его ромей знали как Сакалиб.

Ромей изменился в лице:

– Твой отец – Василий Сакалиб?

– Вот видишь, и ты его, оказывается, знал.

– Знал ли я его? – со злым выражением лица, вскипая, почти прошипел ромей. – Это благодаря ему я лишился своего уха. Это благодаря ему я потерял всех своих людей, с которыми я мог бы быть богатым и знатным. Это благодаря ему я теперь прозябаю в этих степях.

Куреп, не понимая ромейского языка, удивлённо смотрел на них, пока одноухий не повернулся к нему со злой торжествующей улыбкой:

– Я дам тебе за неё сто монет. Ты не представляешь, как у меня сейчас радостно на душе: дочь самого Сакалиба – моя рабыня. Видно на небесах вняли моим мольбам и решили возместить все мои страдания. Я её перепродаю. Пусть с убытком, но продаю её чужеземцам – может быть сарацинам. И семья Сакалиба сгинет в унижениях и страданиях. И пусть все знают, что Феликс не прощает обид.

– Отец убьёт тебя! – воскликнула Агапе.

– А может он раньше умрёт от горя, когда узнает, что его дочь – рабыня?

– Скорее умрешь ты, потому что он рядом, – в сердцах крикнула Агапе и залилась слезами.

Феликс посерьёзней лицом, и было видно, что эта новость его ошеломила.

– А вторую не возьмёшь? – отвлек его от дум Куреп.

Ромей ещё раз окинул взглядом Младу:

– Я могу дать тебе за неё пять золотых монет. И не более...

Куреп, соглашаясь, молчаливо склонил голову. Феликс отсчитал золотые монеты и вручил Курепу тяжёлый мешочек, а затем попросил Бураша:

– Отведи моих рабынь к моим воинам, – и опять повернулся к Курепу. – Куреп, я хочу тебя предупредить...

Но договорить ему не дал ввалившийся в шатёр воин:

– Почти всех наших лошадей угнали в степь...

Куреп от неожиданной вести остолбенел, а Бураш промолвил:

– Может, их перепугал волк, который на меня напал?

– Какой волк! – возбуждённо ответил хазарин. – Двое наших воинов, которые охраняли коней, лежат мёртвые со стрелами в груди.

Куреп повернулся к Бурашу и зарычал:

– Как могло это случиться? Кто охранял брод? Почему они все-таки перебрались на этот берег?

Очумевшего от неожиданной вести и не знавшего что ответить Бураша потеснил ещё один вошедший хазарин. Рукой он держался за окровавленное плечо:

– Куреп! – начал он, – я видел его.

– Кого?

– Того, который убежал от нас. Он выкрал мальчишку, который был вместе с ними, – воин показал на девчонок.

Агапе громко засмеялась. Куреп повернулся на её смех и порывисто шагнул в её сторону:

– Заткните ей пасть!

Феликс рукой остановил Курепу:

– Позволь мне распоряжаться моими рабами, – он повернулся опять к Бурашу. – Отведи их к моим воинам. Пусть их там свяжут и засунут им в рот тряпки, чтоб не кричали.

Бураш вытащил из шатра упирающихся Агапе и Младу, а Куреп обратился опять к раненому хазарину:

– Ты точно видел его?

– Как тебя. Мы его осветили горящими ветками. Он держал на руках мальчишку.

– Вы осветили? Ты был не один? Так почему вы не поймали его?

– Нас было двое. Он с мальчишкой бросился в темноту и бросил в нас по ножу. Лиясу нож пробил горло, и он умер, а мне попал в плечо.

Феликс усмехнулся:

– Ты хочешь сказать, что он, держа в руках мальчишку, смог бросить так метко в вас ножи, что одного убил, а второго ранил? – ромей повернулся к Курепу. – Ты понимаешь, что этот парень был не один? Под утро жди нападения.

Феликс шагнул к выходу.

– Подожди! – остановил его Куреп. – Так что ты хотел сообщить мне?

– Этот Сакалиб довольно опасен. А девчонка проболталась, что он рядом.

– Но, думаю, не опаснее Кара-батыра.

– Слух о Кара-батыре идёт по степи, но я его не видел, а с Сакалибом я сталкивался. Он один стоит двадцати воинов. А у тебя, как я понял, их не так уж и много осталось?

– Теперь уже да. Так что же теперь можно сделать?

– Уже поздно что-то делать. Пусть теперь идёт всё чередом.

– Ты сможешь мне?

– Можешь не сомневаться. Как рассветёт, мои воины будут вместе с твоими.

Куреп повернулся к раненому хазарину:

– Всех воинов собери у моего шатра, да и тех, кто охраняет брод, тоже веди сюда. Охранять уже нечего...

Раненый хазарин покинул шатёр, а вслед за ним Феликс, направившийся к своим воинам. Рядом на траве лежали связанные и с тряпками во рту Агапе и Млада.

– Погрузите их на лошадей. Мы сейчас без шума уезжаем – опасно здесь. Утром будет бой, а нам ни к чему подвергать наши жизни опасности из-за, – Феликс кисло усмехнулся, – обречённых.

* * *

Василь смотрел на голодных, но счастливых от встречи с соплеменниками и братом мальчишек, уписывающих за обе щеки кашу, сваренную Сивояром. Не отставал от них и Трегуб, поглядывая на окружающих и слушая рассказ Векши и Вячеслава о том, что они заметили у хазар. Все сидели у небольшого костра, разожженного в шатре, обтянутым толстыми шкурами и не пропускающими свет. На миг Трегуб перестал жевать, когда услышал, как Вячеслав бросил ножи в хазар. Он восхищенно посмотрел на Вячеслава, удивляясь тому, что до сих пор он молчал об этом. Уж сам-то он непременно всем сообщил о своей удали.

– Как вы говорите, зовут хазарина? – спросил Василь.

Наевшийся каши Единец, с трудом удерживаясь от сна и потирая глаза, ответил:

– Все хазары его называли Курепом.

Василь немного помолчал, обдумывая рассказанное, а затем промолвил:

– То, что мы задумывали, не удастся. Они были настороже и ожидали преследования. Не зря они не разожгли костров со стороны брода – наверняка там у них засада. Теперь, когда у них угнали большинство лошадей, хазары будут ждать нападения под утро, а мы нападём сейчас.

– Я готов, – встрепенулся Трегуб. – Пускай я погибну, но и за собой хазарина заберу.

Василь оглядел его, мельком взглянув на заснувшего Единца, и назидательно произнёс:

– Никому умирать не надо. Вы все будете с Сивояром и поможете мне, отвлекая хазар. Садитесь на коней и со стороны степи в верстах в двух от хазар разведите костры и зажгите факелы. И побольше двигайтесь, а я один в хазарском стане порядок наведу...

– Дядько Василь! – Вячеслав умоляюще смотрел на него. – А как же мы? Мы же пробрались к хазарам и знаем, где стоят их шатры. Да и помочь мы сможем.

– Поверь мне, Вячеслав, когда идёт бой, то не всегда знаешь, где опаснее. А главной помощью будет то, что мне не надо будет думать в пылу боя о сохранении ваших жизней.

– Всё понятно, Василь. Сделаем, – поднялся Сивояр. – Пойдёмте, ребяташки, готовиться...

Василь придержал выходящего из шатра последним Сивояра и тихо прошептал ему на ухо:

– Ты уж там посматривай за отроками, к хазарам не лезь и их не пускай. Молодость – она безрассудно смелая. Сам такой был. Кажется, что тебя ни одна хворь не возьмёт, ни вражеская стрела не достанет, ни клинок. Ты уж не подведи...

– Знамо дело – не подведу.

– Как начнёт светать, подтягивайтесь к хазарским шатрам. Я вас там буду ждать.

Сивояр с парнями скрылся в темноте, а Василь направился вдоль берега реки к стану хазар. Под одеждой на нём была одета кольчуга, выкованная им же самим и не раз испытанная в бою, которая выдерживала попадания стрел. У него был меч и кинжал, за спиной – лук с двумя десятками стрел, а кроме того за пояс были засунуты два небольших топорика.

Василь шёл, переступая с пятки на носок, приглушая шаги. Он не таился, но прислушивался к каждому постороннему звуку, приближаясь к броду, надеясь вначале уничтожить хазар, сидевших в засаде. У поворота реки, откуда Василь, Векша и Вячеслав наблюдали, как переправлялись хазары через брод, у него захолонуло в сердце – хазарские костры не горели. Первой мыслью было то, что они ушли, но он тут же отбросил эту мысль – просто они ждут нападения. Нет ни ничего хуже долгое время ждать опасности. С течением времени это напряжённое ожидание сказывается, а с учётом того, что Трегуб тревожил хазар каждую ночь, то они из-за усталости уже не те воины, которые могут дать достойный отпор.

Невдалеке послышался непонятный хруст, а затем характерное лошадиное пофыркивание. Василь свернул в ту сторону и наткнулся на пасущегося одного из хазарских коней, разогнанных по степи Житко и Путяттой.

– Тихо, тихо. Не бойся, – негромко произнёс Василь на степном наречии.

Конь шумно потянул ноздрями воздух и, видимо поняв, что никакой опасности нет, подпустил к себе человека.

Василь погладил его по морде и, взяв за повод, повёл за собой. Конь оказался на удивление послушным и не противился. Василь не стал на него садиться, так как посчитал, что человек на коне может вызвать опасение, а идущий пешком и ведущий коня – недоумение, что позволит ему получить преимущество.

У брода Василь никого не нашёл. Он обшарил все кусты, но засады не было. Василь был недоволен собой: что-то пошло не так. Неужели он сделал неправильные выводы? Или что-то случилось?

Василь направился в сторону предполагаемого расположения хазар, уже не таясь. От сияющих на небе звёзд и ущербной луны было видно всего на несколько шагов, и он рассчитывал, что его обязательно окликнут, если, конечно, он не пройдёт мимо хазарского стана. Тогда придётся возвращаться и искать их в другом месте. Но возвращаться не пришлось – из темноты раздался голос:

– Эй, кто там бродит?

В ответ Василь спокойно произнёс:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.